

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

**И. Ю. Панькина, Т. Н. Долгих
Т. В. Ткачева, Л. А. Александрова**

**ДОКАЗЫВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

Научное электронное издание

Калининград
2025

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

И. Ю. Панькина, Т. Н. Долгих
Т. В. Ткачева, Л. А. Александрова

ДОКАЗЫВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Монография

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-1009-3

Рецензенты

М. А. Ефремова, д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева;

Н. В. Азарёнок, д-р юрид. наук, доц., Институт юстиции
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева

Панькина, И. Ю.

Доказывание обстоятельств, подлежащих установлению при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции : монография / И. Ю. Панькина, Т. Н. Долгих, Т. В. Ткачева, Л. А. Александрова [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/mnografii/dokazyvanie-obstoyatelstv-podlezhashchikh-ustanovleniyu-pri-rassmotrenii-ugolovnykh-del-v-sude-pervo/>

Изложены теоретические аспекты процесса доказывания в суде первой инстанции. Приведены практические примеры доказывания обстоятельств, подлежащих установлению в суде первой инстанции. Установление всех обстоятельств совершенного преступления посредством доказывания позволяет сделать законный, обоснованный и справедливый вывод о виновности лица и закрепить его в приговоре суда первой инстанции.

Подходы и взгляды авторов в монографии могут быть востребованы практикующими юристами в рамках осуществления ими своей профессиональной деятельности и будут интересны специалистам, занимающимся проблемами уголовно-процессуального права.

© Панькина И. Ю., Долгих Т. Н.,
Ткачева Т. В., Александрова Л. А., 2025
© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-1009-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>И. Ю. Панькина</i>)	5
Глава 1. Теоретические основы института доказывания в судебном следствии российского уголовного процесса (<i>И. Ю. Панькина, Н. В. Ткачева</i>).....	9
1.1. Доказывание и доказательства: уголовно-процессуальное содержание	9
1.2. Предмет и пределы доказывания в судебном следствии.....	24
Глава 2. Виды обстоятельств, подлежащих доказыванию в суде первой инстанции (<i>Т. Н. Долгих, Н. В. Ткачева</i>).....	39
2.1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).....	39
2.2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы	47
2.3. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, освобождение от уголовной ответственности и наказания	52
2.4. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.....	56
Глава 3. Установление обстоятельств преступления при признании подсудимым своей вины (<i>Л. А. Александрова, И. Ю. Панькина</i>)	63
3.1. Оценка судом материалов уголовного дела, возбужденного по явке с повинной.....	63
3.2. Признанное обвинение как предмет судебного доказывания	79
Глава 4. Дефекты уголовно-процессуальных норм, регулирующих вопросы доказывания обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции (<i>Т. Н. Долгих</i>).....	89

4.1. Дефекты, влекущие сложность толкования отдельных видов доказательств.....	89
4.2. Дефект критерия «достаточность доказательств»	106
Заключение (И. Ю. Панькина)	113
Список литературы	116
Об авторах	131

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации правосудие выступает основным механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина. Судебное разбирательство, являясь непосредственной формой реализации правосудия, сосредоточено вокруг судебного следствия.

Судебное разбирательство представляет собой центральную стадию уголовного процесса, в ходе которой суд рассматривает уголовное дело по существу. На этом этапе решаются ключевые вопросы о виновности лица и назначении ему наказания, тогда как предшествующие стадии носят подготовительный характер, а последующие — контрольный.

В доктрине уголовного процесса отсутствует единая трактовка понятия судебного следствия. Ряд исследователей, например К. Е. Еремеева¹, акцентируют его роль как основной части разбирательства, где в условиях принципов устности, гласности, непосредственности и состязательности сторон осуществляется всестороннее исследование доказательств для установления фактических обстоятельств дела.

Г. А. Воробьев подчеркивал самостоятельный характер судебного следствия, связывая его с полным и объективным анализом обстоятельств преступления².

---

¹ *Еремеева К. Е.* Понятие и сущность судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации // Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов) : материалы IV Ежегодной региональной научно-практической конференции, Иркутск, 26 января 2024 г. Иркутск, 2024. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65850832> (дата обращения: 13.06.2025).

² *Воробьев Г. А.* Планирование судебного следствия. М., 1978.

Схожей позиции придерживался В. К. Случевский, рассматривавший данную стадию как период проверки и окончательной оценки доказательств³.

Философское осмысление судебного следствия неизбежно затрагивает вопрос о его цели, остающейся предметом научной полемики до сих пор.

Ряд ученых вслед за И. Я. Фойницким видят цель судебного следствия в установлении истины через исследование доказательств, позволяющих определить виновность или невиновность подсудимого. Так, например, А. П. Попов расширяет это понимание, интегрируя цель доказывания в общие задачи уголовного процесса⁴.

Однако существует и альтернативный взгляд, акцентирующий внимание на защите прав участников. Например, М. С. Строгович связывал цель судебного следствия с формированием внутреннего убеждения судьи — осознанной уверенности в правильности выводов, основанной на всестороннем и непредвзятом анализе доказательств⁵. Этот процесс не сводится к механической оценке фактов; он требует учета контекста, мотивов сторон и социальных последствий принимаемых решений.

В работах многих авторов XX века заслуживала отдельного внимания воспитательная функция судебного следствия. Так, ряд исследователей, включая П. С. Элькин, отмечали, что публичность процесса и гласность судебного разбирательства оказывают превентивное воздействие как на участников

---

³ *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. URL: <https://www.garant.ru/shop/books/2505052/> (дата обращения: 29.09.2025)

⁴ *Попов А. П.* Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

⁵ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 345.

процесса, так и на общество⁶. Это проявляется в демонстрации неотвратимости наказания, укреплении авторитета закона и формировании правосознания граждан. При этом воспитательный эффект достигается не только через итоговый приговор, но и через сам ход судебного следствия, где участники сталкиваются с необходимостью аргументировать свои позиции в рамках правового поля.

Многоуровневость целей судебного следствия становится особенно очевидной при анализе классификации задач судебного разбирательства П. С. Элькинд, выделяющей перспективные и ближайшие, общие и функциональные задачи. К первым относится стратегическая установка на достижение правосудия, ко вторым — тактические действия по сбору и оценке доказательств. Например, в ходе судебного следствия решается не только вопрос о виновности подсудимого, но и обеспечивается защита прав потерпевшего, свидетелей и самого обвиняемого.

Справедливо отмечала П. А. Лупинская, что установление истины в уголовном процессе — это не абстрактная категория, а конкретное познание событий прошлого через призму доказательств, соответствующих критериям допустимости и достоверности. Этот процесс требует от суда не только юридической компетентности, но и глубокого понимания человеческой природы, поскольку каждое доказательство — это отражение действий, мотивов и обстоятельств реальных людей.

Таким образом, судебное следствие представляется как многогранный институт, синтезирующий нормы права, этические принципы и социальные задачи. Его цели простираются от защиты индивидуальных прав до укрепления публичного правопорядка, а методы реализации включают как строго регламентированные процессуальные действия, так и элементы судейского усмотрения.

---

⁶ Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

Несмотря на отсутствие законодательного определения судебного следствия, его роль как «стержня» уголовного процесса не вызывает сомнений: именно здесь проверяется доказательственная база, закладываются основы законности приговора и реализуется принцип справедливости.

Разнообразие научных подходов к пониманию судебного следствия лишь подчеркивает его сложность и значимость, требуя от правоприменителей не только знания закона, но и способности к критическому осмыслению процессуальных явлений.

Судебное следствие предстает перед нами центральным этапом судебного разбирательства, в рамках которого стороны доказывают обстоятельства, подлежащие установлению, а суд на их основе выносит законный, обоснованный и справедливый приговор.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

1.1. Доказывание и доказательства: уголовно-процессуальное содержание

Теория и практика доказывания в уголовном судопроизводстве на протяжении длительного времени остаются в центре внимания как представителей науки, так и практикующих юристов. Обусловлено это прежде всего тем, что доказывание представляет собой неотъемлемый и наиболее значимый элемент уголовно-процессуальной деятельности, от эффективности которого в значительной мере зависит достижение задач уголовного судопроизводства — защита прав и законных интересов потерпевших, защита личности от незаконного и необоснованного уголовного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Доказывание отличается особой структурной и содержательной спецификой, в силу чего не может быть отнесено к числу обыденных или формализованных уголовно-процессуальных процедур. Оно охватывает целостную систему интеллектуально-волевых действий, направленных не только на собирание, но и на последующую проверку и оценку доказательств. Этот процесс имеет своей целью определить юридически значимые для рассмотрения уголовного дела обстоятельства.

В отличие от других процессуальных институтов доказывание сопряжено с высокой степенью усмотрения субъекта доказывания, наличием множества факторов, подверженных

субъективной оценке, а также необходимостью соблюдения баланса между законностью, состязательностью и беспристрастностью.

В научной литературе вопросы доказательственного права традиционно являются предметом острых дискуссий. Различия в подходах к пониманию сущности доказывания, его этапов, пределов, средств и методов обуславливают наличие множества теоретических концепций и практических моделей, нередко противоречащих друг другу. На этом фоне особенно остро встают задачи дальнейшего развития теоретико-правовой базы доказывания, совершенствования законодательного регулирования доказательственной деятельности и выработки единых подходов к ее реализации на практике.

Учитывая приведенные обстоятельства, исследование доказывания как самостоятельного и системного института уголовного процесса приобретает не только научную, но и прикладную значимость, поскольку именно от качества и достоверности доказательственной деятельности во многом зависит обеспечение законности, справедливости и правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве.

Именно исходя из такого повышенного значения рассматриваемого института, как справедливо отмечает С. Б. Россинский, «многие ученые называли доказывание “сердцевиной”, “стержнем”, “душой” уголовного судопроизводства, отмечали, что оно пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении»⁷.

С. В. Бородин отмечал, что «природа и сущность доказательственного права обусловлены формой уголовного процесса, характерной для той или иной исторической эпохи»⁸.

---

⁷ *Россинский С. Б.* Собираание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // *Юридический вестник Самарского университета.* 2020. Т. 6, №3. С. 901—103.

⁸ *Курс советского уголовного процесса. Общая часть* / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 521.

Во многих исследованиях «под доказыванием предлагается понимать познавательную деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда, характеризующую опосредованным восприятием обстоятельств уголовного дела»⁹.

Другие ученые к процессу познавательной деятельности добавляли «установительный этап, характеризующийся необходимостью закрепления результатов познания в установленном уголовно-процессуальным законом порядке»¹⁰.

Вместе с тем немало ученых понимают под доказыванием приведение сторонами своих доводов и аргументов перед судом, считают, как, например, С. В. Курылев, что «доказывание не познание, оно — для познания»¹¹.

---

⁹ *Лушинская П. А.* Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М., 1966. С. 21—22; *Якимович Ю. К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015. С. 3; *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 8—10; *Астафьев Ю. В., Изотова Н. В.* Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск, 2002. С. 86; *Божьев В. П.* Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. М., 1978. С. 81; *Хмыров А. А.* Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар, 1996. С. 6; *Костенко Р. В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 35.

¹⁰ *Карнеева Л. М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький, 1977. С. 5; *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 183; *Копьева А. Н.* Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск, 1990. С. 12; *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 7—8; *Зажичкий В. И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015. С. 19—20.

¹¹ *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 33—35.

Нам представляется, что уголовно-процессуальному доказыванию присущ более широкий, универсальный характер. Можно рассматривать доказывание не только как юридически регламентированный процесс собирания, проверки и оценки доказательств, но и как многоуровневую систему, включающую как познавательные-удостоверительные приемы, так и логико-аргументационные процедуры. В рамках такого подхода доказывание трактуется как сложная когнитивно-коммуникативная деятельность, в которой взаимосвязаны юридические, логические, эпистемологические и психологические элементы.

Таким образом, считаем обоснованным вывод о том, что процесс установления фактических обстоятельств уголовного дела немислим без использования комплекса формально-логических операций, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию и аналогию, а также без применения аргументационно-доказательных структур, направленных на формирование убеждения в достоверности сформулированных выводов. При таком подходе доказывание выходит за пределы сугубо правовой процедуры, приобретая междисциплинарный характер и объединяя в себе элементы логики, риторики, психологии и теории познания.

Данный подход способствует более глубокому пониманию сущности доказательственной деятельности, позволяя не только адекватно оценивать содержание процессуальных норм, но и раскрывать внутреннюю структуру мышления субъектов доказывания. Это особенно актуально в условиях усложнения самих доказательств, появления их в электронном виде, роста объема доказательственной информации.

Вместе с тем необходимо отметить, что уголовно-процессуальное доказывание по своей сущности не является исключительно правовым феноменом. Его природа носит комплексный, междисциплинарный характер, охватывая не только юридические, но и философско-эпистемологические основания. В этом контексте доказывание представляет собой особую

форму познавательной деятельности, подчиненную общим закономерностям гносеологии, логики и теории аргументации, на базе которых осуществляется формирование, осмысление и обоснование фактических данных, имеющих значение для разрешения уголовного дела.

Философские аспекты познания, в частности категории истины, доказанности, вероятности и причинно-следственных связей, играют ключевую роль в процессе получения и интерпретации доказательственной информации. Формальная и диалектическая логика как универсальные инструменты мышления также выступают методологическим фундаментом для анализа, оценки и соотнесения доказательств между собой. Эти познавательные закономерности имеют объективный, природный характер и не зависят от воли законодателя, они не подвержены влиянию тех юридических тактик, которыми оперирует законодатель, способный, лишь осмыслив данные механизмы, сформулировать их в виде институтов и подвергнуть регулированию нормами уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, доказывание в уголовном процессе следует рассматривать как синтетическую деятельность, в которой органически сочетаются правовые процедуры и внеправовые познавательные категории. Такая интегративная природа доказывания требует от исследователя не только знания норм уголовно-процессуального закона, но и глубокого понимания логико-философских основ формирования и оценки доказательственной информации.

Следует отметить, что философское осмысление природы познания и логико-мыслительной деятельности характеризуется значительным концептуальным плюрализмом. В истории философии сложился широкий спектр эпистемологических учений, нередко находящихся в противоречии друг с другом. Эти теории опираются на различные аксиоматические основания, формировавшиеся под влиянием конкретных мировоз-

зренческих установок, историко-культурных условий и уровня научного знания, достигнутого в соответствующую эпоху. Такое многообразие подходов свидетельствует о сложности и многогранности процесса познания, что неизбежно отражается и на правовой интерпретации доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Так, например, эмпиризм и рационализм предлагают принципиально различные основания познания: если первый акцентирует роль чувственного опыта, то второй — логического мышления и дедукции. Аналогичным образом в рамках диалектической, феноменологической, критико-рационалистической и иных традиций по-разному трактуются такие ключевые категории, как истина, обоснование, знание и доказанность.

Это методологическое многообразие накладывает определенный отпечаток и на теоретическое осмысление доказывания в уголовном процессе, поскольку последнему присущи все основные признаки сложного акта познания. Соответственно, выбор определенной философско-гносеологической парадигмы неизбежно влияет на понимание сущности доказательственной деятельности, критериев достоверности информации, механизмов логического вывода и оценки доказательств.

В этом контексте правовая доктрина не может абстрагироваться от философского фундамента, так как игнорирование многообразия подходов к познанию приводит к упрощенному, редуционистскому пониманию доказывания, что чревато теоретическими ошибками и практическими затруднениями при применении норм уголовно-процессуального законодательства.

Следует согласиться с С. Б. Россинским, который, рассуждая о сущности доказывания в уголовном процессе, пришел к выводу о том, что «на сегодняшний день практически ни один вопрос, связанный с доказыванием по уголовному делу, не получил своего окончательного разрешения. Причем ученые так и не пришли к единому пониманию самой сущности этого

сложного процесса и связанных с ним методологических категорий; дискуссии по данному поводу продолжают уже не один десяток лет»¹².

Кроме того, следует согласиться с учеными, считающими, что «правила доказывания и принятия решений, а также правовые возможности участников судопроизводства влиять на принятие решений в определенной степени обусловлены правовой природой судопроизводства, которая, в свою очередь, определяется соотношением публичного и диспозитивного начал судопроизводства»¹³.

Публичное начало уголовного судопроизводства находит свое выражение прежде всего в том, что инициирование уголовно-правовой претензии от имени государства в отношении конкретного лица, подозреваемого в нарушении уголовного закона, а также ее последующее обоснование с помощью допустимых и достаточных доказательств является прерогативой и обязанностью государства. Это особенно характерно для уголовных дел, отнесенных к категории публичного и частно-публичного обвинения, в рамках которых защита общественных интересов возлагается на органы публичной власти — дознавателя, следователя и прокурора.

При этом следует отметить, что в делах частного обвинения соответствующая инициатива и бремя доказывания возлагаются на частное лицо — потерпевшего, который выступает одновременно в роли заявителя и обвинителя. Однако даже в этом случае уголовное преследование осуществляется в рамках процессуальной формы, установленной государством, что свидетельствует о сохраняющемся влиянии публичного начала и в данной категории дел.

---

¹² *Россинский С. Б.* Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2020. №9 (166). С. 63—76.

¹³ *Антонович Е. К., Вилкова Т. Ю., Володина Л. М. и др.* Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.

Диспозитивное начало в уголовном судопроизводстве проявляется в первую очередь в наличии у подсудимого и его адвокатов или лиц, допущенных наряду с адвокатами, а также у потерпевшего и его представителей юридически закрепленных способов оказывать воздействие на процесс формирования претензии, составляющей суть уголовно-правового спора с государством. Речь идет о возможности реализовывать предоставленные законом средства путем участия в установлении фактических обстоятельств дела, формирования доказательственной базы и в определенной мере влияния на содержание и обоснованность выдвигаемого обвинения.

В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ указанные участники процесса наделены правом представлять доказательства, ходатайствовать о производстве следственных и иных процессуальных действий, а также участвовать в их проведении. Такая активная позиция может оказывать непосредственное влияние на направление и объем доказательственной деятельности, корректируя в том числе позицию стороны обвинения, формирующую уголовно-правовую претензию от имени государства.

Следовательно, диспозитивное начало в уголовном процессе проявляется не только в возможности распоряжения определенными правами (например, отказа от жалобы, примирения сторон и т. п.), но и в более глубоком аспекте — в способности отдельных участников процесса активно участвовать в процессе доказывания, тем самым влияя на траекторию движения уголовного дела и принятие специальными субъектами конкретных процессуальных решений. Сочетание публичных и диспозитивных начал в уголовном процессе усиливает признаки состязательности, одновременно повышая уровень полноты и объективности исследования фактических обстоятельств уголовного дела. Такое институциональное взаимодействие способствует укреплению гарантий справедливого судебного разбирательства и обеспечивает баланс интересов участников уголовного судопроизводства.

Принятие любого процессуального решения в рамках уголовного судопроизводства неразрывно связано с необходимостью опоры на определенный массив фактической информации. Такая информация выступает в форме совокупности сведений об обстоятельствах, имеющих юридическое значение в контексте применения норм уголовно-процессуального права. Представляется, что именно она формирует основу для установления фактической стороны дела и одновременно служит критерием для определения допустимости, а в ряде случаев — и обязательности принятия соответствующего процессуального акта.

Надо вспомнить, что в науке уголовного процесса еще давно велись споры об информации, которая дает основу фактическим данным, а последние и формируют понятие доказательств. Так, в ст. 69 УПК РСФСР определяла доказательства по уголовному делу через «любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»¹⁴.

В настоящее время, согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

---

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (документ утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 29.09.2025).

В теории уголовного процесса особое значение уделяется вопросу средств доказывания в уголовном судопроизводстве, то есть доказательствам как основополагающим элементам установления истины по делу. Научное сообщество неоднократно пересматривало и переосмысляло понятие и сущность доказательств, что свидетельствует о сложности и многогранности данного института. В течение длительного времени ведутся активные дискуссии, направленные на уточнение критериев оценки доказательств, их видов и роли в обеспечении справедливого судебного разбирательства.

Концепция доказательств в процессуальной науке претерпела значительную эволюцию. Изначально доказательства рассматривались исключительно как фактические обстоятельства, подтверждающие или опровергающие те или иные утверждения в деле. Однако дальнейшее развитие науки привело к формированию двойственной модели понятия доказательств.

Данная модель «предполагает рассмотрение доказательств в двух взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, доказательства понимаются как факты — конкретные события, действия или предметы, имеющие значение для установления истины по делу. С другой стороны, доказательства рассматриваются как процессуальные средства, с помощью которых эти факты выявляются, фиксируются и оцениваются в ходе судебного разбирательства»¹⁵.

Двойственная концепция учитывает не только содержание доказательств, но и методы их представления, средства их исследования и оценки. Это способствует более комплексному пониманию роли доказательств в обеспечении справедливого и объективного судебного процесса, а также позволяет выстроить эффективные процессуальные механизмы для их надлежащего использования.

---

¹⁵ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 288, 289 ; *Рахунов Р. Д.* Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 22—25.

В науке уголовного процесса наряду с традиционным пониманием доказательств как фактов существовала и иная точка зрения. В. К. Случевский полагал, что «доказательства рассматриваются как фактические данные»¹⁶.

Р. С. Белкин писал, что «такое понимание доказательств является единственно правильным и соответствует гносеологическому смыслу понятия доказательств»¹⁷.

Существует также концептуальная модель уголовно-процессуальных доказательств смешанного (синтезированного) типа, которая интегрирует элементы различных методологических подходов к пониманию и оценке доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве. Данная теория предполагает сочетание познавательно-удостоверительных функций с аргументационно-логическими механизмами, обеспечивая комплексную оценку собранных доказательств и способствуя обоснованности принимаемых процессуальных решений. Ее основоположник В. Д. Арсеньев полагал, что «под доказательствами понимаются как сами факты, так и сведения о них, а также их источники»¹⁸.

Анализ современной научной литературы в области доказательственного права демонстрирует, что, несмотря на закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве информационной концепции доказательств, дискуссии по данному направлению сохраняют высокую актуальность и интенсивность. В ряде исследований подчеркивается, что действующий подход, закрепленный в УПК РФ, характеризуется системностью и внутренней согласованностью с базовыми принципами уголовного судопроизводства.

---

¹⁶ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. Ч. 2 : Судопроизводство. С. 103.

¹⁷ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 10—11.

¹⁸ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 92.

Считается, что ч. 1 ст. 74 УПК РФ формулирует сущностное содержание доказательства, тогда как ч. 2 данной статьи устанавливает его структурные и процессуальные характеристики. В связи с этим С. А. Шейфер писал, что «теперь понятие доказательства приобрело более четкую дефиницию»¹⁹.

Аналогичной позиции придерживались и иные ученые — В. М. Быков, Л. В. Березина и др.²⁰

Вместе с тем определение доказательства не лишено дефектов. Так, Е. А. Доля считал, что «правильно формулировка доказательства была определена в ст. 69 УПК РСФСР, поскольку в ней была заложена важная характеристика о том, что сведения, образующие содержание доказательств, должны не только иметь значение для уголовного дела, но и позволять его правильно разрешить»²¹.

В. А. Лазарева полагает, что «доказательства можно рассматривать в ракурсе трех аспектов:

— как любые сведения, на основе которых субъекты уголовного процесса устанавливают обстоятельства, имеющие значение для дела (информационный аспект);

— как достоверные сведения (факты), обосновывающие обвинительный приговор (аксиологический и логический аспекты);

---

¹⁹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 56.

²⁰ Быков В. М., Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань, 2006. С. 23 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 261—263 ; Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 214—215 ; Волынская О. В., Шаров Д. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М., 2009. С. 20—21.

²¹ Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 73.

— как показания свидетеля, потерпевшего, заключения эксперта и специалиста, протоколы следственных действий и судебного заседания и т. д. (формально-процессуальный аспект)»²².

А. С. Барабаш в отличие от приведенных выше позиций указывал на то, что законодательство не охватывает в полной мере категорию косвенных доказательств, в связи с чем предлагал собственное определение понятия доказательства, отражающее данный аспект: «Показания подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта и т. д., с помощью которых устанавливаются либо непосредственно сами подлежащие доказыванию обстоятельства, либо фактические данные, а уже через них опосредованно — подлежащие доказыванию обстоятельства, которые, в свою очередь, используются для получения знаний о совершенном преступлении»²³.

Следует подчеркнуть, что в рамках проведенного исследования предметом анализа стали преимущественно наиболее распространенные и концептуально значимые доктринальные подходы к определению сущности уголовно-процессуальных доказательств. Вместе с тем каждый исследователь, работающий в сфере доказательственного права, предлагает собственную, нередко оригинальную аргументацию, направленную на поддержку либо критику отдельных аспектов существующих теоретических конструкций. Ввиду этого формирование обоснованной и сбалансированной дефиниции понятия «доказательства» требует комплексного осмысления научного материала, представленного в специализированной литературе: монографиях, научных статьях, диссертационных исследованиях и других источниках, посвященных вопросам природы доказательств в уголовном процессе.

---

²² Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие для вузов. М., 2010. С. 162.

²³ Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 182 ; *Его же*. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2005. С. 274—275.

Выполнение такой задачи предполагает проведение масштабного, самостоятельного, более глобального исследования, а возможно, и серии исследований. Однако даже при условии глубокой и системной проработки соответствующего научного материала достижение универсального и безупречного определения представляется маловероятным. Практика показывает, что ни одному исследователю до настоящего времени не удалось выработать общепринятую, лишенную критических замечаний дефиницию.

В этой связи представляется возможным констатировать, что любое новое определение, сформированное на базе обобщения существующих теоретических подходов, неизбежно будет содержать определенные уязвимые аспекты, которые станут предметом последующей научной полемики, итогом которой, по всей вероятности, не станет достижение единодушия.

Юриспруденция в сфере уголовного судопроизводства, подобно иным направлениям правовой науки, ориентирована на постоянное совершенствование действующего законодательства, включая его нормативную основу, институциональные механизмы и прикладные правовые конструкции. В этом контексте формирование новых теоретико-правовых подходов к определению понятия доказательств приобретает не только академическую, но и прикладную значимость.

Одной из важнейших задач подобного концептуального переосмысления выступает оптимизация действующего правового регулирования, в том числе норм ст. 74 УПК РФ, определяющих содержание и процессуальные формы доказательственной информации.

Следует отметить, что в научной среде продолжают звучать предложения о внесении изменений и дополнений в указанную норму, а в отдельных случаях — о необходимости ее коренной переработки. Подобные инициативы, безусловно, могут обладать теоретической ценностью и, возможно, при соответствующей доработке сделают нормативную конструк-

цию более логически стройной и внутренне непротиворечивой. Однако прежде чем реализовывать те или иные законодательные поправки, целесообразно оценить их потенциальное влияние на правоприменительную практику.

Если действующая редакция ст. 74 УПК РФ, несмотря на отдельные замечания, выдвигаемые в научной литературе, на практике не создает затруднений и обеспечивает корректную реализацию уголовного судопроизводства, то приоритетом должно стать не постоянное уточнение формулировок, а устранение действительно значимых пробелов в законодательстве и теории, порождающих реальные сложности в правоприменительной деятельности.

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что действующее легальное определение доказательств является в целом функционально приемлемым.

Кроме того, за период действия УПК РФ в правоприменительной практике сложились устойчивые подходы к реализации норм, регулирующих доказывание. В результате сформировались определенные правовые алгоритмы и практические рекомендации, направленные на повышение эффективности процедур собирания, проверки и оценки доказательственной информации. Эти наработки представляют собой важный источник для теоретического осмысления действующего механизма доказывания и могут служить основой для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, что свидетельствует о стабильности и приемлемости действующего регулирования.

Таким образом, несовершенство уголовно-процессуальных норм, регулирующих доказательственную деятельность, является одним из факторов, существенно ограничивающих потенциал доказывания правового и познавательного механизма, призванного обеспечивать защиту прав лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

1.2. Предмет и пределы доказывания в судебном следствии

В подготовительной части судебного разбирательства информация в уголовном деле принципиально отличается от той информации, которая появляется в уголовном деле в судебном следствии, после проведения судебных прений и реплик сторонами, последнего слова подсудимого.

Приемлемым представляется описание процесса доказывания на подготовительном этапе производства в суде первой инстанции, предложенное Т. Г. Дудукиной. Автор подчеркивает, что окончательная оценка фактов судом на данном этапе не проводится, однако представление и исследование доказательств имеет место, при этом устанавливаются промежуточные, побочные доказательственные факты, имеющие значение для правильного определения состава доказательственного материала, который будет представляться и исследоваться на судебном следствии²⁴.

Добавим лишь то, что на судебном следствии доказательственный материал будет не только представляться и исследоваться, но и оцениваться. В подготовительной части производства по уголовному делу разрешаются не только ходатайства, заявленные в устной или письменной форме непосредственно на этом этапе производства, но и ходатайства, заявленные после назначения судебного заседания, но до этапа подготовительной части судебного производства. Поэтому перечень ходатайств, которые обязан разрешить суд, выслушав мнения участников производства, и удовлетворить их либо вынести определение или постановление об отказе в удовлетворении ходатайств (ч. 2 ст. 271 УПК РФ), не ограничивается вышеуказанным перечнем в соответствии с ч. 1 ст. 271 УПК РФ. В том,

---

²⁴ Дудукина Т. Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.

что суд опрашивает каждую сторону, имеются ли у нее ходатайства и представляет другой стороне высказать свое мнение по заявленному противной стороной ходатайству, заключается объективность суда²⁵.

Ходатайства могут быть самыми разнообразными, как отмечает В. М. Лебедев, но все они должны касаться существа уголовного дела²⁶. Активность суда на данном этапе производства в суде первой инстанции проявляется в явно высокой степени. Ученые подчеркивают, что идеология подготовительной части судебного заседания носит ярко выраженный публичный характер, что обязывает суд принимать по своей инициативе необходимые меры и создавать оптимальные условия для надлежащего рассмотрения и разрешения уголовного дела, по существу реализуя свои дискретные полномочия, позволяющие ему обеспечить интересы правосудия²⁷.

Событие преступления всегда существует в прошлом. Познавать его приходится с определенной степенью вероятности. В. Д. Спасович характеризовал человеческое познание как использование его источников опыта и разума, то есть прямого наблюдения познаваемого и умозаключения. Деятельность судебно-следственных органов представляет собой познание, судебное исследование обстоятельств неизвестного события преступления по его следам. Несмотря на то что, как и всякое познание, исследование обстоятельств уголовного дела протекает с соблюдением логических правил, подчеркивает А. А. Старченко, судебное исследование имеет свои специфические осо-

---

²⁵ *Моисеева Т. В.* Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. М., 2006. С. 100.

²⁶ *Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф. председателя Верховного суда РФ В. М. Лебедева.* М., 2004. С. 89.

²⁷ *Дудукина Т. Г.* Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 7.

бенности, отличающие его как от научного познания, так и от исследования в других областях практической деятельности²⁸.

Однако во время судебного следствия имеет место не только познание события, но и обоснование сформировавшегося у участника внутреннего убеждения. Верно замечено, что процесс доказывания — это диалектически единые, взаимно дополняющие, обогащающие и обуславливающие друг друга доказывание-познание и доказывание-обоснование²⁹, то есть информационная и аргументационная стороны доказывания, переплетаясь и взаимно проникая друг в друга, присутствуют во время судебного следствия³⁰.

Особенность познания обстоятельств совершенного преступления кроется в том, что участники познают произошедшее путем чувственного, эмпирического восприятия и посредством законов мышления воспринимают не наблюдаемые ими самими события, а умозаключения делают по оставленным этим событием следам в окружающем мире. Более того, на этапе судебного следствия доказывание как особая форма познания приобретает характерные признаки, отличающиеся от уголовно-процессуального доказывания в целом. Если на досудебном производстве участники, производящие следственные действия, могут непосредственно воспринимать следы преступления, то на этапе судебного следствия это восприятие становится почти недоступным. К признакам доказывания на этапе судебного следствия относятся цель судебного следствия; участники судебного следствия; сроки судебного следствия; последовательность действий для выявления обстоя-

---

²⁸ *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 6.

²⁹ *Ковтун Н. Н.* Спорные вопросы в теории доказательств (Об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе) // Государство и право. 1997. № 6. С. 70—75.

³⁰ *Машовец А. О.* Соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 14—16. С. 15.

тельств, подтверждающих событие объективной действительности; исследование события, произошедшего в прошлом посредством имеющейся и воспринимаемой непосредственно в судебном следствии информации; осуществление познания строго установленными законом средствами и способами; удостоверение и закрепление знания, полученного в процессе познания, установленными законом способами.

В сущности этих признаков и кроется коммуникативно-когнитивная (познавательная) деятельность участников судебного следствия. Вся деятельность по судебному доказыванию оказывается в рамках правил логики, как указывает ряд авторов. Доказывание строится на правилах логики, которые априори участникам судебного следствия известны, поэтому уголовно-процессуальный закон является только каркасом судебного доказывания и имеет целью не допускать нарушений правил логики судебным произволом³¹.

Целенаправленность судебного следствия ученые-процессуалисты видят по-разному. Так, чаще всего цель судебного следствия связывают с такими категориями, как объект, предмет, пределы доказывания. Для выявления сущности вида деятельности надо определить субъекта, объект, способы и средства, применяемые субъектом при определении объекта³². Объект — это то, что противостоит субъекту, то, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность³³.

На данном этапе проанализируем процесс исследования доказательств в судебном следствии с точки зрения предмета, объекта и пределов доказывания.

---

³¹ Воробьев А. В., Еньков А. Л., Силков П. Ю., Тихонравов Ю. В. «Дело Юкоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия). М., 2008. С. 106.

³² Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 17.

³³ *Философская энциклопедия* : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1967. Т. 4. С. 123.

Предмет судебного следствия через главный факт доказывания, то есть то, что обуславливает разрешение уголовного дела по существу, определяется В. Д. Арсеньевым³⁴, В. Я. Лившицем³⁵, П. И. Люблинским³⁶, М. П. Шаламовым³⁷. Под предметом судебного следствия понимается предмет доказывания, то есть обстоятельства дела, подлежащие доказыванию Е. Г. Веретехиным³⁸, Е. Г. Мартынчиком³⁹, В. Ф. Поповым⁴⁰, И. Д. Перловым⁴¹. О тесной взаимосвязи предмета и пределов доказывания на судебном следствии пишет Л. Б. Алексеева, подчеркивая, что сокращение предмета доказывания влечет и сокращение его пределов⁴².

Под объектом судебного следствия А. С. Александров понимает текстовую реальность, то есть высказывания лиц, удостоверяющих в соответствии с законом обстоятельства или факты имевших место обстоятельств⁴³. Однако ряд ученых полагают, что объектом судебного следствия является объектив-

---

³⁴ *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 21.

³⁵ *Лившиц В. Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949. С. 49.

³⁶ *Стифен Д.* Очерк доказательственного права. СПб., 1910. С. 28.

³⁷ *Шаламов М. П.* Теория улики. М., 1960. С. 14.

³⁸ *Веретехин Е. Г.* Проблемы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988. С. 9.

³⁹ *Мартынчик Е. Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 102.

⁴⁰ *Попов В. Ф.* Судебное следствие: проблемы оптимизации : монография / под ред. Н. Н. Ковтуна. Н. Новгород, 2000. С. 16.

⁴¹ *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 55.

⁴² *Алексеева Л. Б.* Судебное следствие // Рассмотрение дел судом присяжных : научно-практическое пособие / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 1998. С. 148.

⁴³ *Александров А. С.* Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 186.

ная реальность, которую и познают участники судебного следствия⁴⁴, то есть объект исследования существует вне зависимости от участвующего в доказывании лица, а предмет всегда материален в практической деятельности участника процесса доказывания⁴⁵.

Обобщенное понятие предмета доказывания дано Н. В. Жогиним в виде системы обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства⁴⁶. В. А. Лазарева подчеркивает, что предметом (объектом) исследования (предметом познания) является само расследуемое преступление, не нуждающееся в специальном определении, и познается предмет путем выявления его юридически значимых признаков. Автор отмечает, что, так как все обстоятельства ст. 73 УПК РФ имеют значение для правильного разрешения уголовного дела⁴⁷, то любой из элементов предмета доказывания может стать предметом спора, следовательно, все они нуждаются в обосновании⁴⁸. А. В. Руденко также отмечает невозможность выделения главного и второстепенного фактов среди обстоятельств, входящих в предмет доказывания, определенных ст. 73 УПК РФ, вследствие того, что совокупность данных обстоятельств имеет тесную взаимосвязь и выделение среди них менее либо

---

⁴⁴ *Уголовно-процессуальное право* / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2006. С. 246; *Тарасов А. А.* Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // *Новый УПК России в действии*: материалы круглого стола, 13 ноября 2003 г., Москва / отв. ред. И. Ф. Демидов. М., 2004. С. 71.

⁴⁵ *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 74.

⁴⁶ *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / под ред. Н. В. Жогина. М., 1973. С. 139.

⁴⁷ *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 89.

⁴⁸ *Лазарева В. А.* Указ. соч. С. 138.

более значимых недопустимо⁴⁹. Ряд ученых выходят за рамки предмета доказывания как отдельного элемента доказывания и указывают на доказательственные факты как на средства установления обстоятельств, определенных ст. 73 УПК РФ, и относят их к пределам доказывания⁵⁰.

Пределы доказывания вообще не определены законом. В научной литературе дискуссия ведется. Пределы доказывания ученые связывают с кругом доказательств, необходимых для достоверного, истинного установления соответствующих фактов и обстоятельств⁵¹. Есть мнение, что пределы доказывания связаны с глубиной познания, то есть необходимой степенью конкретизации обстоятельств, подлежащих доказыванию⁵². С уровнем исследования сведений, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию, и фактическим объемом обстоятельств, подлежащих доказыванию, ассоциируют пределы доказывания другие авторы⁵³. О четком разграничении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и обстоятельств, находящихся в пределах доказывания, пишет А. В. Руденко⁵⁴, так как факты, установленные доказательствами и входящие в пределы доказывания являются обосновани-

---

⁴⁹ Руденко А. В. Содержательная логика доказывания : монография. М., 2013. С. 213.

⁵⁰ Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1998 ; Хмыров А. А. Теория доказывания: общая часть : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2006.

⁵¹ Демидов В., Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. Воронеж, 1978. С. 303.

⁵² Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 65.

⁵³ Громов Н. А., Зайцева С. А., Гуцин А. Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. М., 2006. С. 16.

⁵⁴ Руденко А. В. Содержательная логика доказывания : монография. М., 2013. С. 213.

ем выводов об искомых доказательствах, а оценка достаточности доказательств производится на основе исследования тех доказательств, которые находятся в пределах доказывания. Пределы доказывания соотносятся с предметом доказывания, как средство с целью, так как пределы доказывания предопределяются и обуславливаются предметом доказывания. Согласимся в С. А. Шейфером, который подчеркнул, что пределы доказывания связаны с границами познавательной деятельности⁵⁵. Таким образом, можно заключить, что при убеждении суда в том, что с наибольшей степенью вероятности и достоверно установлены подлежащие доказыванию обстоятельства, доказывание следует прекратить, так как цель доказывания достигнута.

Таким образом, можно заключить, что процесс доказывания, определенный в уголовно-процессуальном законе как собирание, проверка и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию на судебном следствии, трансформируется в более развернутую форму, и к процессу доказывания добавляется исследование доказательств, выраженное в многообразии коммуникативно-когнитивной (познавательной) деятельности участников судебного следствия.

Нам представляется, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существует чрезмерная формализация предмета доказывания, закрепленного в ст. 73 УПК РФ. Законодательно установленный перечень подлежащих доказыванию обстоятельств представляет собой замкнутую систему, ориентированную преимущественно на факты, необходимые для квалификации преступления, определения формы вины и назначения наказания. Между тем практика доказывания в современных условиях значительно шире по своему фактическому объему.

---

⁵⁵ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 86.

Рассуждая об отсутствии необходимости так ограниченно трактовать обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, Е. Е. Шатайлюк предлагает более общую редакцию ст. 73 УПК РФ: «Часть 1. При производстве по уголовному делу подлежат установлению и доказыванию все обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопросов, поставленных в п. 1—6, 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Часть 2. Установлению подлежит имущество, в отношении которого может быть назначена конфискация, а также подлежат доказыванию обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопроса о ее применении. Часть 3. Подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления»⁵⁶.

Следственная и судебная деятельность неизбежно выходит за пределы формализованного предмета доказывания. В подавляющем большинстве уголовных дел исследуются обстоятельства, которые, строго говоря, не входят в законодательно установленный перечень, но тем не менее обладают непосредственным значением для правильного разрешения дела.

Отсутствие нормативного закрепления этих обстоятельств в качестве элементов предмета доказывания порождает неоднородность практики, снижает степень предсказуемости уголовного процесса и создает предпосылки для произвольного толкования судом значимости тех или иных фактов. Более того, такое регулирование в ряде случаев препятствует полноте и объективности исследования обстоятельств дела, ограничивая суд и стороны рамками формально допустимых доказательственных направлений.

Вопрос о том, как распределяется бремя доказывания обстоятельств, предусмотренных п. 5—8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, по

---

⁵⁶ Шатайлюк Е. Е. Проблема предмета доказывания в контексте высокодоходных преступлений: сравнительно-правовой аспект и историческая ретроспектива // Мировой судья. 2024. № 5. С. 9—15.

уголовным делам частного обвинения, остается предметом научной дискуссии. Особую сложность вызывает сопоставление данной нормы с положениями п. 5 ст. 318 УПК РФ, устанавливающего требования к содержанию заявления частного обвинителя. Анализ показывает, что требования, предъявляемые к заявлению, значительно менее конкретны и детализированы по сравнению с объемом предмета доказывания, установленным ст. 73 УПК РФ.

Это позволяет выдвинуть две возможные интерпретации: либо по делам частного обвинения реализуется упрощенный (усеченный) предмет доказывания, либо часть доказательственной нагрузки с заявителя снимается, что фактически ведет к перераспределению бремени доказывания между сторонами. Второй вариант представляется более реалистичным, поскольку согласуется с принципами обеспечения доступа к правосудию и балансирования процессуальных возможностей сторон, особенно в тех случаях, когда частный обвинитель не обладает специальной правовой подготовкой и действует без помощи профессионального представителя.

А. В. Боярская полагает, что «положениями гл. 41 УПК РФ не установлены какие-либо изъятия из обстоятельств предмета доказывания, не подлежащие рассмотрению в рамках производства по уголовным делам частного обвинения»⁵⁷.

Такой подход позволяет утверждать, что, несмотря на общие принципы состязательности, дела частного обвинения не могут рассматриваться по тем же стандартам, что и дела публичного обвинения, где обеспечивается активная роль стороны обвинения в лице государственного обвинителя. При отсутствии профессионального участника со стороны обвинения и, как следствие, недостаточной доказательственной инициа-

---

⁵⁷ Боярская А. В. Пути преобразования доказывания в рамках производства по уголовным делам частного обвинения // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2012. №4. С. 153.

тивы суд фактически вынужден выполнять компенсаторную функцию, стремясь соблюсти принцип всесторонности и объективности рассмотрения дела (ч. 3 ст. 15, ст. 73 УПК РФ).

Усеченный предмет доказывания по делам частного обвинения не вытекает из действующего законодательства и не подтверждается его системным толкованием. Напротив, действующая редакция ст. 73 УПК РФ предполагает универсальность предмета доказывания, применимого ко всем видам уголовного производства. Следовательно, в случае недоказанности одного или нескольких обстоятельств, подлежащих установлению, именно суд, реализуя свою обязанность по обеспечению законности, вынужден восполнять пробелы, выходя за пределы пассивной роли.

Специфика уголовного преследования по делам частного обвинения требует более гибкого подхода к оценке доказательственной активности сторон. В таких делах обвинительная функция не всегда может быть реализована в полной мере без участия суда, что, в свою очередь, обостряет вопрос о границах допустимой активности судебной власти в состязательном процессе.

Таким образом, перераспределение бремени доказывания по делам частного обвинения — это объективная необходимость, обусловленная как процессуальной уязвимостью частного обвинителя, так и интересами правосудия. Данный подход требует дальнейшего нормативного закрепления и научного осмысления с учетом задач обеспечения справедливости, равноправия сторон и эффективности уголовного судопроизводства.

В. А. Виноградов, напротив, полагает, что «доминирование позиции о допустимости и, более того, о необходимости активности суда в собирании доказательств по делам частного обвинения не соотносится с преобладающей в современной науке отечественного уголовного процесса позицией о недопустимости такой роли суда в осуществлении доказывания

при производстве судебного разбирательства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения — ввиду нарушения ею принципа состязательности сторон»⁵⁸.

Можно предположить, что, если бы законодатель преследовал цель сознательного сокращения объема предмета доказывания в рамках дел частного обвинения, это намерение было бы прямо и недвусмысленно зафиксировано в уголовно-процессуальном законе. Примером подобной конкретизации служит ч. 2 ст. 434 УПК РФ, в которой предмет доказывания при рассмотрении дел о применении принудительных мер медицинского характера установлен отдельным и специализированным образом.

Еще одним неурегулированным аспектом уголовно-процессуального законодательства является правовая неопределенность статуса так называемых вспомогательных фактов — сведений, которые не входят в предмет доказывания в его формально-юридическом виде, но имеют существенное значение для процесса собирания, проверки и оценки доказательств, а также для принятия процессуальных решений, направленных на обеспечение законности и порядка судебного разбирательства.

Вспомогательные факты в уголовном процессе исполняют инфраструктурную роль, способствуя обеспечению условий для установления юридически значимых обстоятельств. Эти факты не обладают признаками, свидетельствующими о наличии состава преступления, и не служат непосредственным средством характеристики ни самого преступного события, ни степени виновности конкретного субъекта, однако оказывают прямое влияние на процессуальную траекторию дела. К числу таких фактов можно отнести сведения об особенностях вос-

---

⁵⁸ *Виноградов В. А.* Распределение бремени доказывания при осуществлении судопроизводства по уголовным делам частного обвинения: белые пятна отечественного законодательства // *Российская юстиция.* 2020. № 3. С. 59—60.

приятия очевидцев, данные о физическом или психологическом состоянии участников процесса, информацию о времени, месте и условиях получения доказательств, характер межличностных отношений между сторонами и иные обстоятельства, важные для установления достоверности и допустимости полученных сведений.

Кроме того, такими данными могут быть сведения об алиби обвиняемого, о применении недозволенных методов ведения расследования, включая давление на подозреваемого или потерпевшего, а также сведения, позволяющие установить подложность документа или недостоверность приведенных в нем сведений и др.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует как нормативное определение, так и исчерпывающий перечень доказательственных и вспомогательных фактов. Решение вопроса об их необходимости, а также допустимости использования в рамках конкретного уголовного дела отнесено к дискреционным полномочиям суда. Такая диспозитивность, с одной стороны, обусловлена необходимостью гибкого реагирования на обстоятельства конкретного дела, с другой — создает предпосылки для неоднородности судебной практики и субъективного подхода к формированию доказательственной базы.

В условиях отсутствия четких законодательных ориентиров граница между доказательственными и вспомогательными фактами определяется исключительно по результатам судебной оценки, что сопряжено с рисками произвольной трактовки значения исследуемых фактических данных. При этом суд не должен исследовать произвольный круг фактов, а предметом судебного познания могут быть только те обстоятельства, которые прямо или опосредованно способствуют установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, приведенный в ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, несмотря на отсутствие их нормативного закрепления в действующем уголовно-процессуальном зако-

нодательстве, вспомогательные факты выполняют обеспечительную функцию в структуре доказывания, содействуя корректному осуществлению процедур сбора, проверки и оценки доказательственной информации.

Факты, выступающие в качестве доказательств, находятся в прямой связи с теми обстоятельствами, которые необходимо установить в ходе уголовного разбирательства. Совокупность таких фактов служит фундаментом для формирования выводов относительно факта совершения преступления, причастности конкретного лица к его совершению, а также определения характера и степени ответственности данного лица. На основании этих фактов строится логическое заключение о реальности данных обстоятельств. По сути, доказательственные факты представляют собой составные элементы главного факта, что соответствует положениям п. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, представляется обоснованным вывод о том, что совокупность обстоятельств, подлежащих установлению в рамках уголовного судопроизводства, существенно выходит за пределы элементов состава преступления, подлежащих доказыванию. В данной связи особое значение приобретает деятельность суда, которому принадлежит определяющая функция в установлении релевантных фактических обстоятельств, а также в формировании объема и уровня их детального исследования с целью постановления законного и обоснованного процессуального решения.

Ошибочное определение судом объема обстоятельств, подлежащих исследованию, а также необоснованное исключение из предмета доказывания фактов, имеющих существенное значение для разрешения уголовно-правового спора о виновности подсудимого, неизбежно приводят к неполноте и односторонности исследования обстоятельств дела. Это, в свою очередь, негативно сказывается на уровне доказанности установленных фактических данных и ставит под сомнение обоснованность принимаемого процессуального решения.

Таким образом, права П. А. Лупинская, полагая, что «совокупность доказательств, необходимых для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и образует пределы исследования или пределы доказывания»⁵⁹.

Элементы предмета доказывания, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, структурированы в определенной логической последовательности, при которой установление одного из элементов способствует переходу к выяснению следующего. Тем не менее УПК РФ не устанавливает обязательного порядка их исследования, предоставляя суду и участникам процесса свободу в определении последовательности установления указанных обстоятельств в зависимости от особенностей конкретного дела.

---

⁵⁹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 94.

Глава 2

ВИДЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

2.1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)

Указанные обстоятельства приводятся следователем, дознавателем в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении при описании преступного деяния.

В качестве примера обстоятельств, относящихся к событию преступления, законодателем в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ приведены время, место, способ совершения преступления. Несмотря на то что данный перечень оставлен открытым, инкриминируемые обвиняемому в вину действия должны быть расписаны конкретно, последовательно и понятно для последнего, не нарушать его право на защиту от выдвинутого обвинения.

Так, указание в приговоре на то, что преступление совершено в неустановленное время, в неустановленном месте свидетельствует о неконкретности обвинения, невозможности исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, выстраивания линии защиты, и, как справедливо заметил В. В. Конин, «без знания, а также полного, четкого и однозначного понимания предъявленного обвинения невозможно подготовить правовую позицию, заявить об алиби»⁶⁰.

---

⁶⁰ Конин В. В. Принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты // Современное право. 2018. №1. С. 110—114.

О таком подходе свидетельствует сложившаяся судебная практика. Неполное приведение при описании преступления данных о времени и месте его совершения судами расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое может повлечь как возвращение уголовного дела прокурору, отмену приговора, так и исключение из осуждения данного эпизода преступной деятельности.

Так, изменяя приговор. Верховный Суд РФ указал, что «в связи с тем, что место, время приобретения поддельных печатей в приговоре не указаны, а это обстоятельство влияет на периоды времени, по истечении которых не применяются правовые последствия совершения преступления, то есть на сроки давности привлечения к уголовной ответственности Н. А. Одицова, квалифицирующий признак “приобретение в целях использования заведомо поддельной печати”, вмененный осужденному по 12 составам подделки документов, следует исключить и в связи с этим снизить назначенное наказание за каждое из этих преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 327 УК РФ»⁶¹.

Соглашаясь с исключением судом первой инстанции квалифицирующего признака, суд кассационной инстанции указал: «Поскольку в ходе судебного разбирательства достоверно не установлены время, место, способ и другие обстоятельства незаконного приобретения Т. немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, которые подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу на основании ст. 73 УПК РФ, суд обоснованно исключил из объема обвинения такой диспозитивный признак, как приобретение в целях сбыта немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, что, вопреки доводам защитника, не

---

⁶¹ *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2024 № 19-УД23-34-К5. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

исключает возможность осуждения Т. за хранение, перевозку в целях сбыта, продажу немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, в особо крупном размере»⁶².

При этом указание на необходимость доказывания иных, помимо приведенных в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельств совершения преступления, в данном случае не является дефектом закона, поскольку объем таких обстоятельств зависит от признаков конкретного инкриминируемого состава преступления и именно в уголовном законе следует искать подсказки, позволяющие их выявить.

Так, состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 213 УК РФ, сконструирован таким образом, что действия, приведенные в ч. 2 этой статьи, обязательно должны иметь связь с одним из признаков, приведенных в ч. 1 ст. 213 УК РФ, что должно найти отражение при описании преступления.

Отменяя приговор Самарского районного суда г. Самары от 25 апреля 2022 года, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 11 июля 2022 года, определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2022 года в отношении Мещерякова С.С., Гейдарова Р.Н. и Ибрагимхалилова О. Ю оглы и прекращая уголовное дело в отношении каждого на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, Верховный Суд РФ указал, что «из предъявленного обвинения не усматривается, что осужденным было инкриминировано совершение хулиганских действий с необходимыми составообразующими признаками, и в ходе судебного разбирательства также не было установлено, что, производя выстрелы в воздух из

---

⁶² *Определение* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2024 № 77-4351/2024 (УИД 31RS0002-01-2024-000053-60). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

автомата и пистолета, предназначенных для имитации выстрела холостыми патронами, кто-либо из осужденных применял к гражданам насилие, либо угрожал его применением, либо совершал эти действия по экстремистским мотивам, либо на транспорте общего пользования»⁶³.

В постановлениях Пленум Верховного Суда РФ также уделяет внимание обстоятельствам совершения преступления.

«В тех случаях, когда преступление совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, при описании преступного деяния должно быть указано, какие конкретно преступные действия совершены каждым из соучастников преступления»⁶⁴.

«Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией), либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на

---

⁶³ *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2023 №46-УД23-4-К6. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶⁴ *О судебном* приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 №55. П. 18. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2025).

основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ»⁶⁵.

Хотя ст. 5 УПК РФ содержит легальные определения ключевых понятий, она не раскрывает содержание категории «место совершения преступления». Между тем значение данного понятия в уголовно-процессуальном аспекте трудно переоценить, поскольку именно его установление во многом предопределяет реализацию конституционной гарантии на рассмотрении уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 УПК РФ). Однако ст. 32 УПК РФ, устанавливая общее правило о том, что уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, также об этом умалчивает. Не содержит определения места совершения преступления и УК РФ.

Между тем, несмотря на простоту и, казалось бы, лаконичность термина «место совершения преступления», такое молчание законодателя создает трудности в правоприменении. Особенно остро дискуссия о месте совершения преступления обострилась применительно к составам преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, при хищении безналичных денежных средств, при совершении виновным преступления непрерывно, но при этом перемещающегося в пространстве⁶⁶.

---

⁶⁵ *О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)* : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 №12. П. 24. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶⁶ *Багаутдинов Ф. Н., Журба С. М.* Актуальные проблемы определения территориальной подследственности мошенничеств, совершаемых с использованием современных средств связи // Уголовное право. 2019. №3. С. 96—100 ; *Степанов П. П., Грибанова Д. В.* Место совершения хищения безналичных денег и территориальная подсудность уголовного дела // Уголовное право. 2023. №9 (157). С. 49—62.

Как справедливо отмечает О.С. Гузеева, рассуждая о киберпреступлениях, «особенности дистанционного способа таких преступлений, которые состоят в том, что преступник, совершающий противоправные действия с использованием компьютерных устройств, может находиться в одном географическом месте, тогда как общественно опасные последствия наступают в другом месте, в то время как потерпевший может пребывать в совершенно ином месте, дезориентируют правоприменителей при решении указанного вопроса, что, в свою очередь, приводит к затруднениям в применении законоположений о действии уголовного закона в пространстве»⁶⁷.

Современные трансформации общественных отношений, сопровождаемые ростом числа преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий и без жесткой территориальной привязки, в том числе с использованием искусственного интеллекта, обуславливают необходимость переосмысления уголовно-процессуальной категории «место совершения преступления». Указанное обстоятельство приобретает особую значимость в контексте определения подследственности и подсудности уголовных дел, возникающих в условиях киберпространства. В этом свете отсутствие нормативного регулирования данной категории представляется правовой лакуной, препятствующей эффективной реализации принципов справедливости и законности в уголовном судопроизводстве. В таком контексте молчание законодателя не выглядит обоснованным.

Подтверждением тому служат примеры меняющихся подходов к практике определения момента окончания таких преступлений и их подсудности.

---

⁶⁷ Гузеева О.С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №10. С. 15—19.

Так, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 года №22 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнен следующим абзацем «Местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета»⁶⁸.

Менее чем через полтора года в указанное постановление были внесены изменения об ином порядке определения места совершения преступления: «Местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств»⁶⁹.

Дискуссионным на сегодняшний момент остается вопрос о том, должно ли рассматриваемое понятие носить межотраслевой характер, то есть быть унифицированным применительно как к уголовному, так и к уголовно-процессуальному законодательству, или иметь разное значение, исходя из узких отраслевых задач.

---

⁶⁸ *О внесении* изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 №22. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶⁹ *О внесении* изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 №38. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях ориентирует суды на единообразное понимание места совершения преступления.

Так, п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» разъясняет, что «При определении места совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, и, соответственно, территориальной подсудности уголовного дела судам необходимо учитывать, что доступ к данной сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных). Местом совершения такого преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления (например, при публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности — территория, на которой лицом использовалось компьютерное устройство для направления другому лицу электронного сообщения, содержащего такие призывы, независимо от места нахождения другого лица, или использовалось компьютерное устройство для размещения в сети “Интернет” информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности)»⁷⁰.

Таким образом, можно заключить, что территориальная подсудность определяется местом совершения действий (последнего из действий), входящих в выполнение объективной стороны преступления.

---

⁷⁰ *О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

2.2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы

Положения п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ связаны между собой, поскольку указание на форму вины и мотивы лица подлежат указанию при описании преступного деяния, а также коррелируют с положениями ч. 1 ст. 307 УПК РФ о том, что описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, а также ч. 1 ст. 220 УПК РФ, из которой следует, что в обвинительном заключении подлежат указанию существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, а также формулировка предъявленного обвинения.

Вместе с тем положения ст. 73 УПК РФ в отличие от ст. 220 и 307 УПК РФ не содержат указания на необходимость установления цели совершения преступления.

Между тем, как справедливо отметил А. И. Рарог, «содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые органически связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены»⁷¹.

Понятия дифференций «мотив» и «цель» не предложено и в УК РФ, несмотря на то, что законодателем они используются и в уголовном законе. При этом как мотивом, так и целью преступления законодатель называет корысть. Применительно к мотиву — это корыстные побуждения (п. 3 ч. 2 ст. 105 УК РФ), корыстная заинтересованность, а к цели — корыстная цель (примечание 1 к ст. 158 УК РФ).

Нет единства во взглядах и среди ученых.

---

⁷¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2023. Гл. 10, § 1. С. 173.

А. И. Рарог пишет, что «цель представляет собой идеальную мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится субъект, а мотив есть обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъекта к волевой деятельности»⁷².

И. Э. Звечаровский справедливо отмечает, что «мотив преступления — это обусловленное интересами и потребностями внутреннее побуждение, вызывающее желание лица совершить преступление и решимость действовать в этом направлении, а цель преступления — это мысленная модель, представление лица о желаемом результате, на достижение которого направлена преступная деятельность»⁷³.

С. М. Кочои считает, что «мотив и цель — понятия, не совпадающие по содержанию, их нельзя отождествлять»⁷⁴.

Полагая, что при решении вопроса о малозначительности деяния необходимо учитывать как содержание мотива, так и цель виновного, Пленум ВС РФ дает следующие разъяснения: «Судам следует иметь в виду, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления против военной службы, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности»⁷⁵.

---

⁷² Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. Саратов, 1987. С. 82.

⁷³ Звечаровский И. Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М., 2024. С. 208.

⁷⁴ Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 134.

⁷⁵ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11. П. 5. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

В психологии единая концепция также отсутствует и, как справедливо отмечает Е. П. Ильин, «в каждой психологической концепции отражается одна из сторон мотива как основания действия или поступка. Например, принятие в качестве мотива потребности дает возможность получить ответ, почему осуществляется активность человека; принятие за мотив цели позволяет дать ответ, для чего (ради чего) проявляется эта активность; принятие за мотив устойчивых свойств личности дает ответ, почему выбраны именно эта цель, этот способ ее достижения»⁷⁶.

В. Н. Кудрявцев полагает, что мотив формируется после того, как уже намечены цели, и утверждает, что «говорить о мотиве можно лишь тогда, когда уже появились или формируются такие элементы преступного поведения, как объект или предмет воздействия, цель и средство достижения преступного результата. Не воображаемые или представляемые результаты, а реально существующие»⁷⁷.

Подвергается критике и избрание законодателем конструкции «мотив преступления», а не «мотив преступного поведения». Так, С. В. Склярлов полагает, что «представляется целесообразным говорить об уголовно-правовом значении мотивов преступного поведения, а не мотива преступления»⁷⁸.

Действительно, мотив может быть присущ только субъекту совершения уголовно-наказуемых действий, а не явлению как таковому.

Мотив как психическое образование является элементом субъективной стороны преступления и не может быть отнесен к характеристикам объективной действительности. Он выра-

---

⁷⁶ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2006. С. 115—118.

⁷⁷ Механизм преступного поведения / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1981. С. 12.

⁷⁸ Склярлов С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10—11.

жает внутреннюю, сознательно волевою направленность поведения конкретного субъекта и, следовательно, не может быть присущ ни правонарушающему деянию как таковому, ни тем более явлению, лишенному способности к целеполаганию и осознанию. Попытки объективировать мотив неизбежно приводят к подмене психологического содержания формально-логическим толкованием.

Представляется, что для целей уголовно-процессуального закона такое несовершенство юридической техники не является существенным, не указывают на необходимость отказываться как от использования понятия мотива, так и цели, в то время как для уголовного закона такие дефекты имеют квалификационное значение, поскольку как мотив, так и цель могут, являясь обязательными признаками состава, квалифицирующими признаками, влиять на правильность квалификации действий виновного, служить основаниями для применения положений ст. 64 УК РФ.

По этим причинам мы не разделяем подход Ю. П. Боруленкова, считающего, что «мотив как обязательный элемент предмета доказывания должен быть исключен из ст. 73 УПК РФ. Неустановление мотива преступления не должно быть препятствием к осуждению лица за преступление, в диспозицию которого не включен мотив как квалифицирующий признак преступления»⁷⁹.

В случаях когда мотив не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, его неустановление напрямую не связано с выводами о виновности, но будет препятствием к назначению справедливого наказания, примене-

---

⁷⁹ *Боруленков Ю. П.* Мотив как элемент предмета доказывания // *Мировой судья.* 2013. №2. С. 28—32; *Корнакова С. В., Гайков Д. Г.* Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. №4 (30). С. 130.

нию положений ст. 64 УК РФ, решению вопроса об освобождении от уголовной ответственности, поскольку, как справедливо отметила В. А. Ильина, «отказ правоприменителя от установления мотива способен привести к нарушению материально-правовой и процессуальной формы, имеющей концептуальное правовое значение. Уголовно-процессуальная форма не только способствует установлению обстоятельств дела, но и обеспечивает соблюдение прав и законных интересов граждан»⁸⁰.

Следует особо подчеркнуть, что исследование мотивационной сферы преступного поведения имеет не только фундаментально-теоретическое, но и прикладное значение для уголовного судопроизводства. Установление мотива в значительной степени предопределяет индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, что прямо корреспондирует с принципами справедливости и соразмерности. Наличие либо отсутствие определенных побуждений оказывает непосредственное влияние на правовую оценку виновности субъекта, степень общественной опасности содеянного и его личности. Более того, характер внутренних побуждений нередко приобретает статус юридически значимого обстоятельства, подлежащего учету судом в качестве смягчающего либо отягчающего наказание фактора, что прямо отражено в положениях ст. 61 и 63 УК РФ. Таким образом, мотивация преступного поведения выступает не только объектом криминологического и психологического анализа, но и важным доказательственным элементом, оказывающим влияние на конечные результаты правоприменительной деятельности.

Нельзя не отметить и прикладное значение данного аспекта для организации уголовного преследования: построение тактических схем расследования и выбор методов проведения следственных действий объективно требует учета предполагаемой мотивации подозреваемого или обвиняемого лица.

---

⁸⁰ Ильина В. А. Пределы использования юридически значимого понятия «мотив» // Законность. 2023. №4. С. 64—67.

2.3. Обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния, освобождение от уголовной ответственности и наказания

Несмотря на наличие ссылки на необходимость доказывания обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния в ст. 73 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон не обязывает лицо, осуществляющее предварительное расследование, в обвинительном заключении или обвинительном акте указывать данные обстоятельства (ст. 220, 225 УПК РФ).

Такая непоследовательность законодателя на первый взгляд позволяет следователю уклониться от приведения в обвинительном заключении мотивов неприменения обстоятельств, указанных в гл. 8 УК РФ.

Наличие этого пробела позволило некоторым заявителям усомниться в конституционности норм и обратиться в Конституционный суд РФ, который неоднократно заключал, что, «закрепляя в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ полномочие следователя самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, законодатель вместе с тем не исключает необходимость выполнения следователем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 7, 11, 14 и 16 УПК РФ, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»⁸¹.

---

⁸¹ *По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торцева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и частью первой ста-*

Пункты 5 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, законность которых пытались оспаривать заявители, как указал Конституционный суд РФ, «направлены не на ограничение прав привлекаемого к уголовной ответственности лица, а, напротив, на их защиту и на обеспечение требований справедливого правосудия. При этом нормы не содержат каких-либо изъятий из установленного уголовно-процессуальным законом порядка доказывания по уголовным делам, предусмотренного в том числе в ст. 17, гл. 10 и 11 УПК РФ, и не ограничивают право стороны защиты на участие в доказывании, а потому не могут расцениваться в качестве нарушающих права»⁸².

Следователь должен применить нормы уголовного права, исключаящие преступность деяния.

Применение права определяется в теории как «способ реализации права, который предполагает особую форму властной государственной деятельности, осуществляемой компетентными юрисдикционными органами (должностными лицами) с целью претворения правового предписания в реальную практику общественных отношений»⁸³. «Применение права — своеобразная управленческая деятельность, имеющая строго специализированные задачи. Она направлена на обеспечение реализации юридических норм, а также, в случае необходимости, на индивидуальное регулирование общественных отношений»⁸⁴.

тьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 №2715-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁸² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бушуевой Екатерины Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и пунктами 5 и 7 части первой статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 №3515-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁸³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 154—159.

⁸⁴ Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 278.

Другой вопрос, что оценка наличия или отсутствия таких обстоятельств носит субъективный характер (ст. 24, 27, 31, 37—42 УПК РФ).

Если орган предварительного расследования (следователь или дознаватель) не установил обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение, либо сознательно отказался от их доказывания вопреки заявленным ходатайствам стороны защиты, то это свидетельствует о нарушении требований ст. 73 УПК РФ. В таком случае расследование утрачивает объективность, приобретая черты односторонности и неполноты, что в доктрине и правоприменительной практике справедливо рассматривается как проявление обвинительного уклона. Аналогичные стандарты возлагаются и на суд: если соответствующие обстоятельства выявлены в материалах дела или заявлены защитой либо иными участниками процесса, суд обязан их исследовать. Игнорирование судом ходатайств и доводов стороны относительно обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, ведет к нарушению принципа справедливости судебного разбирательства, что неизбежно влечет признание вынесенного решения незаконным и необоснованным.

Кроме того, к числу дефектов уголовно-процессуального законодательства следует отнести отсутствие нормативного требования об обязательном отражении в обвинительном заключении либо обвинительном акте сведений об обстоятельствах, способных повлечь освобождение лица от уголовной ответственности или наказания.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе такого требования предоставляет следователю возможность формально подходить к оценке таких обстоятельств на стадии предварительного расследования. В частности, это позволяет ему формально, по сути, безмотивно, ссылаясь лишь на собственное усмотрение, отказывать в удовлетворении ходатайств, например, потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с

примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), не приводя при этом мотивированного обоснования и в обвинительном заключении. Подобная практика де-факто нивелирует правовое значение примирения как самостоятельного основания для прекращения уголовного преследования, подрывает принципы диспозитивности и справедливости уголовного судопроизводства.

В условиях указанной нормативной неполноты фактическая оценка оснований и мнений сторон о возможности прекращения уголовного дела нередко перекладывается на стадию судебного разбирательства. Следует отметить, что правовые предпосылки для принятия соответствующего процессуального решения объективно могли быть реализованы еще на этапе предварительного расследования. Сложившаяся практика указывает на наличие функционального смещения компетенций, что, в свою очередь, приводит к чрезмерной нагрузке на судебную систему и нарушает принцип процессуальной экономии. Более того, подобное перераспределение полномочий не способствует полноценной реализации процессуальных прав субъектов уголовного судопроизводства, затрудняя доступ к справедливому правосудию, а также реализации права на разумное и своевременное разрешение уголовно-правовых конфликтов с минимальными издержками для государства и личности.

Представляется, что указанная практика обусловлена употреблением законодателем формулировки «вправе прекратить», что отражает отсутствие юридической обязанности следователя или иного уполномоченного лица прекратить уголовное дело даже при соблюдении всех предусмотренных законом условий. Такая языковая конструкция порождает простор для дискреционного толкования и применения нормы, что, в свою очередь, способствует неоднородности правоприменительной практики и снижает гарантийный потенциал процессуального регулирования.

Таким образом, формулировка «вправе прекратить» выступает источником нормативной неопределенности, которая, бу-

дучи дефектом уголовно-процессуального закона, затрудняет эффективную реализацию прав участников уголовного судопроизводства и подрывает принцип процессуальной экономии.

2.4. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления

УПК РФ не содержит ни перечня, ни четкой характеристики обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Отсутствие подобных нормативных положений затрудняет комплексный и системный анализ объективной стороны преступления на стадии предварительного расследования, снижает полноту собираемых доказательств и затрудняет установление всех фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. В конечном итоге снижает профилактическую направленность деятельности следователя.

Например, такими обстоятельствами могут быть «обстоятельства возникновения у лица антиобщественных взглядов и привычек, проявившихся в преступлении (например, влияние бытовой среды); непосредственно вызвавшие формирование преступного умысла (например, подстрекательство); облегчившие действие источников отрицательных влияний (например, недостатки профилактической работы); облегчившие реализацию преступного умысла (например, недостатки учета и охраны, наличие лиц, вступивших в незаконные сделки с преступниками, бездействие очевидцев преступления и т. д.); а также конкретная ситуация, в которой было совершено преступление (например, связанная с поведением потерпевшего)»⁸⁵.

---

⁸⁵ *Девятко А. Ю., Загорский Г. И., Загорский М. Г. и др.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г. И. Загорского. М., 2016.

Критикуя лингвистическую конструкцию ч. 2 ст. 73 УПК РФ, С. О. Беляева, Л. А. Зашляпин справедливо отмечают, что «союз “также” отсылает наше понимание к правилам ч. 1 ст. 73 УПК РФ, но примененный в его лингвистической конструкции глагол страдательного залога, обозначающий действие как результат доказывания (доказанность), не соответствует словосочетанию “подлежат выявлению”, который, несмотря на использованный законодателем и в этом случае страдательный залог, предмет воздействия видит в ином — выявлении обстоятельств, их узнавании, недоказывании (недоказанности). Использованное законодателем составное глагольное сказуемое “подлежат выявлению” задает иное значение процессуального действия и возникающего состояния (предполагаемого процессуального результата), отличающееся от порядка, задаваемого конструкцией “подлежат доказыванию”»⁸⁶.

Толкуя положения закона, Верховный суд РФ закрепил, что в случае совершения преступления несовершеннолетним обвиняемым необходимо «выявление обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего, состоянием его здоровья... причинами совершения уголовно наказуемых деяний»⁸⁷.

Положения ч. 2 ст. 73 УПК РФ не содержат указания на лиц, кому она адресована, а значит, выявить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, может любой участник уголовного судопроизводства.

---

⁸⁶ Беляева С. О., Зашляпин Л. А. Выявление обстоятельств, способствовавших домашнему насилию: понимание, реализация // Legal Bulletin. 2024. №3. С. 68—82.

⁸⁷ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1 (ред. от 28.10.2021). П. 1. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.08.2025).

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, не входят в состав признаков преступления. Вместе с тем они представляют собой комплекс внешних условий, влияющих на возможность совершения деяния, включая социальные, психологические, экономические и иные факторы. Несмотря на то что эти обстоятельства не определяют наличие или отсутствие уголовно-правового состава, их анализ имеет практическое значение для понимания мотивов поведения лица, выявления условий, способствующих совершению противоправных действий, а также для формирования индивидуализированного подхода к квалификации деяния и назначению меры наказания.

В УПК РФ отсутствует упоминание о процессуальной форме решения, обращенного к соответствующим органам и должностным лицам, в котором указывается на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Изучение уголовного дела показало, что такое решение следователем, дознавателем выносится в форме представления, однако, согласно п. 27 ст. 5 УПК РФ, представление названо актом реагирования прокурора, не согласного с решением суда.

Положения указанной нормы входят в противоречие с дефиницией, сформулированной законодателем в ч. 2 ст. 158 УПК РФ, рекомендующей при установлении в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, дознавателю, руководителю следственного органа, следователю внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона, которое подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Вместе с тем данная коллизия не является существенной и успешно решена в пользу ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, могут быть выявлены и судом, что предусмотрено положениями ч. 4 ст. 29 УПК РФ о возможности суда вынести частное постановление или определение, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства.

Аналогичное положение сформулировано в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2017 года №51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»: «С учетом того что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, в целях их дальнейшего устранения в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ является важной составной частью судебного разбирательства, судам следует при рассмотрении каждого уголовного дела принимать необходимые меры к выполнению этого требования закона и при наличии достаточных оснований выносить частные постановления (определения)»⁸⁸.

Данные нормы сформулированы законодателем как управомочивающие, более того, в указанных полномочиях следователя и суда не просматривается принцип состязательности сторон, поскольку они не связаны с процессуальной деятельностью сторон.

Такой подход законодателя критикуется некоторыми учеными, которые полагают, что следователь «должен», а не «обязан» выносить предписание⁸⁹.

---

⁸⁸ *О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 №51. П. 23. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

⁸⁹ Антонов И. А. Реализация следователем профилактической функции уголовно-процессуального права: проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2021. №2. С. 107—110.

Аналогичной позиции придерживается и Р.Р. Гумерова, полагая, что «анализ полномочий следователя показал, что целесообразно расширить круг обязанностей этого должностного лица за счет наделения его обязанностью по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступления, поскольку привлечение его к этой работе существенно повысит ее эффективность»⁹⁰.

Другие ученые, развивая эту тему, пошли дальше, считая, что «криминалистическая деятельность по предупреждению преступлений должна быть составным структурным элементом методики расследования»⁹¹.

Критикуя усеченность полномочий следователя по профилактике преступлений, И.В. Хоменко, Ю.В. Деришев полагают, что «УПК РФ не содержит четкого обозначения задачи уголовного процесса по предупреждению преступлений, не говорит о дискреционном праве следователя на производство профилактической деятельности, не закрепляет контрольных функций ни у руководителя следственного органа, ни у прокурора за полнотой, правильностью, обоснованностью и эффективностью принятия следователем мер по устранению выявленных причин и условий, способствующих совершению преступлений. Более того, предупредительная и профилактическая деятельность законодательно ограничивается внесением представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления»⁹².

---

⁹⁰ Гумерова Р.Р. О роли следственных подразделений в профилактике преступлений // Российский следователь. 2023. №9. С. 50—52.

⁹¹ Ишигеев В.С. Отдельные вопросы современной методики расследования отдельных преступлений // Российский следователь. 2021. №11. С. 18—21; Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. М., 2016. С. 161.

⁹² Хоменко И.В., Деришев Ю.В. Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. №1. С. 107—120.

В соответствии с п. 2 ст. 2 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» «профилактика правонарушений — совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»⁹³.

Однако понятия «предупреждение», «профилактика» преступлений в УПК РФ не сформулированы, они используются лишь в ведомственных актах.

Каждое из обстоятельств, обозначенных в п. 1—7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, от события преступления до назначения наказания, корреспондирует определенным элементам состава преступления, закрепленного в уголовном законе, а также иным условиям применения уголовно-правовых норм. В совокупности они формируют ядро предмета доказывания, направленного на установление юридически значимых фактов, служащих основанием для признания лица виновным и назначения ему наказания.

Таким образом, несмотря на отсутствие детальной конкретизации в рассматриваемой норме уголовно-процессуального закона, ее диспозиция охватывает все существенные фактические обстоятельства, которые в соответствии с уголовным законодательством составляют юридическую основу для квалификации деяния как преступного и определения меры уголовной ответственности.

Статья 73 УПК РФ устанавливает универсальный перечень обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному де-

---

⁹³ *Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации* : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 27 июня 2016 г. № 26 (Часть I), ст. 3851.

лу, формируя тем самым обобщенный предмет доказывания, применимый вне зависимости от специфики конкретной правовой ситуации.

Как справедливо полагает П. А. Лупинская, изложенный в ст. 73 УПК РФ перечень «предупреждает от одностороннего подхода к исследованию обстоятельств дела и обязывает установить обстоятельства, необходимые для правильного определения в обвинительном заключении фабулы обвинения, квалификации преступления и разрешения вопросов, стоящих перед судом при вынесении решения по делу»⁹⁴.

---

⁹⁴ Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5—8.

Глава 3

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПРИЗНАНИИ ПОДСУДИМЫМ СВОЕЙ ВИНЫ

3.1. Оценка судом материалов уголовного дела, возбужденного по явке с повинной

Первые предпосылки к признанию вины могут возникать на стадии возбуждения уголовного дела, если поводом для него послужила явка с повинной. Значение этого документа сложно переоценить: это и законный повод к началу процессуальной деятельности (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), и доказательство (иной документ в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), и смягчающее вину обстоятельство (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В любом случае явка с повинной должна быть основана на добровольном сообщении лица о совершенном им преступлении, о чем еще не известно правоохранительным органам⁹⁵.

Явка с повинной не может быть поводом для возбуждения уголовного дела частного и частно-публичного обвинения (ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ), для начала производства в порядке ст. 23 УПК РФ, а также производства о налоговых преступлениях (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ). Последние могут возбуждаться исключительно при наличии материалов, содержащих все необходимые сведения, поступивших из налоговых органов, что может означать утрату значения явки с повинной не только как повода, но и как смягчающего наказание обстоятельства.

---

⁹⁵ *О практике* назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 09.08.2025).

Само по себе признание вины своего значения не теряет, оно может быть основой для производства по уголовному делу в особом порядке.

Первое, на что нужно обратить внимание, оценивая добровольность явки с повинной, это содержание постановления о возбуждении уголовного дела. Если оно возбуждено по факту совершения преступления, когда не известно, кто его совершил, то это подчеркнет значение явки с повинной. Решение, вынесенное в отношении конкретного лица, обесценивает явку с повинной. Исключение составляет случай, когда явка с повинной стала поводом к началу производства — при этом практически невозможно подвергнуть ее сомнению, ни с позиции уголовно-процессуального, ни с позиции уголовного закона.

Имеет значение и наличие протокола задержания подозреваемого. Даже если фактическое задержание произошло до возбуждения уголовного дела, его юридическая фиксация возможна только после принятия этого решения. В таком случае в постановлении, вынесенном в порядке ст. 146 УПК РФ, будут указаны данные лица и квалификация совершенного им деяния, поскольку задержание возможно только при поимке лица на месте преступления, при наличии следов преступления при нем или прямого свидетельства очевидцев (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Интересно, что в закрытом перечне безусловных оснований задержания нет явки с повинной; такое признание не приравнивается к сообщениям участников события, хотя по сути им является. Нельзя не согласиться с И. А. Ретюнских, полагающей, что сообщение о собственном преступлении можно отнести к ч. 2 ст. 91 УПК РФ как иные данные, которые могут стать основанием задержания при наличии дополнительных условий: явившийся попытается скрыться, утаит данные о себе либо у него будет отсутствовать постоянное место жительства⁹⁶. Первые два из перечисленных, на наш взгляд, не соот-

---

⁹⁶ *Ретюнских И. А.* Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // *Вестник Уральского юридического института МВД России.* 2016. № 1. С. 18—21. С. 19.

ветствуют признаку добровольности сделанного заявления. Последнее условие можно применить с некоторой натяжкой: если оно не ставит под сомнение добровольность и достоверность явки с повинной, то заставляет задуматься о ее истинных причинах. Думается, по своему смыслу явка с повинной должна учитываться как безусловное основание для задержания, аналогично перечисленным в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ сведениям, полученным от потерпевших и очевидцев.

При наличии в уголовном деле протокола задержания лица в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ добровольность заявления будет подтверждена, если оно состоялась до задержания. Если события произошли в течение одних суток, необходимо обязательно уточнять время, зафиксированное в документах. В ином случае это приведет к нарушению уголовного и уголовно-процессуального закона.

Так, г. Н. написала явку с повинной в день ее фактического задержания. Суд первой инстанции оценил содержание документа как принудительное признание и не учел при вынесении приговора. Тем не менее вышестоящей судебной инстанцией было установлено, что, согласно протоколу задержания, явка с повинной была оформлена в 18.00, тогда как Н. была задержана в 20.00.

Таким образом, именно явка с повинной послужила основанием подозревать Н. в причастности к совершению преступления⁹⁷.

В другом случае исправление судебной ошибки привело к ужесточению наказания: апелляционным постановлением был изменен приговор по уголовному делу о совершении преступ-

---

⁹⁷ *Капканов В.* Особенности оформления и судебной оценки явки с повинной // Коллегия адвокатов «Вашь юридический поверенный» : [офиц. сайт]. URL: <https://barcouncil.ru/stati-vladislava-kapkanova-v-smi/osobennosti-oformleniya-i-sudebnoj-oczenki-yavki-s-povinoj/> (дата обращения: 07.08.2025).

ления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. Суд первой инстанции ошибочно признал явку с повинной смягчающим обстоятельством. Не было учтено, что поводом к возбуждению уголовного дела послужил рапорт сотрудника органа дознания; сразу после совершения наезда на пешехода водитель скрылся с места происшествия, а явку с повинной подал уже после объявления его в розыск и задержания⁹⁸.

Установленная последовательность обращения с явкой с повинной и задержания не освобождает от проверки достоверности сообщенных сведений. Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание на необходимость проверки доводов подсудимого и установления обстоятельства, при которых было сделано заявление⁹⁹.

Так, осужденный, отбывавший наказание в виде пожизненного лишения свободы, сообщил в явке с повинной еще об одном совершенном им убийстве, подробно описал его, приложил план местности, где оно якобы произошло, что и стало поводом к возбуждению уголовного дела. В ходе расследования выяснилось, что осужденный предоставил ложные сведения с целью перемещения из ИК-18, где содержался, в следственный изолятор, а также для участия в следственных действиях, чтобы сменить обстановку¹⁰⁰.

---

⁹⁸ Краснодарский краевой суд. Апелляционное постановление № 22-4051/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-5/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5PawYAEbteJ0/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁹⁹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек.

¹⁰⁰ Приморский краевой суд. Апелляционное постановление № 22-3274/2023 от 9 июля 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EuphFWJVyrgR/> (дата обращения: 10.08.2025).

Важность последовательности появления в материалах уголовного дела документов: постановления о его возбуждении, явки с повинной и протокола задержания — не оставляет сомнений. Однако представляется слишком категоричным мнение В. Н. Григорьева, А. Ю. Терехова и М. Ю. Терехова о бессмысленности явки с повинной, заявленной в момент или после фактического задержания¹⁰¹. Скорее, прав В. Н. Курченко: подозреваемый может сообщить сведения о не известных никому, кроме него, обстоятельствах преступного деяния¹⁰².

Так, мастер ПАО «Ярославский судостроительный завод» передавал деньги от своего руководителя начальнику бюро технического контроля, что обеспечивало соответствующее отношение к качеству выполненных работ, влияло на скорость его проверки. В отношении последних были возбуждены уголовные дела о коммерческом подкупе. Узнав об этом, мастер написал явку с повинной, после чего возбудили уголовное дело и в отношении него по п. «в» ч. 2 ст. 204.1 УК РФ.

Суды разных инстанций разошлись в оценке его признания: суд первой инстанции не признал его значение, указав, что явка с повинной была написана в связи с тем, что правоохранительные органы узнали о совершении преступления. Защита же настаивала на том, что обвиняемый ранее не понимал преступности действий своего работодателя, лишь выполнял его распоряжения, и ходатайствовала об освобождении его от уголовной ответственности по примечанию к ст. 204.1 УК РФ. Суд апелляционной инстанции, не согласившись с доводами адвоката о неосознанной передаче предмета подкупа его

---

¹⁰¹ Григорьев В. Н., Терехов А. Ю., Терехов М. Ю. Научный комментарий некоторых обстоятельств явки с повинной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. №2. С. 68.

¹⁰² Курченко В. Н. Назначение наказания: теория и судебная практика. Научно-практический курс : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 38.

подзащитным, тем не менее признал явку с повинной добровольной, поскольку она была подана до возбуждения уголовного дела в отношении мастера как посредника, отменил приговор и удовлетворил ходатайство защитника¹⁰³.

В этой связи интересна оценка судом явки с повинной по уголовным делам о совершении взаимосвязанных преступлений или преступлений, совершенных соучастниками, когда она может быть заявлена одним или несколькими из них. В рассмотренном случае посредник формально не является соучастником преступления, поскольку не перечислен в ст. 33 УК РФ, тем не менее это лицо, вовлеченное в совершение преступления и в теории уголовного права им признаваемое по признакам пособничества¹⁰⁴. Но законодатель определил посредничество в коммерческом подкупе как отдельный состав, поэтому формально явка с повинной по взаимосвязанному преступлению, предусмотренному ст. 204.1 УК РФ, не потеряла своего уголовно-процессуального значения, если была заявлена до момента фактического задержания и до возбуждения в отношении лица уголовного дела. В противном случае она может иметь уголовно-правовое значение и учитываться как активное содействие раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), если повлечет соответствующие действия.

Также представляет интерес заявление о совершении преступления лицом, уже являющимся подозреваемым (обвиняемым), по другим эпизодам преступной деятельности. Согласно позиции, высказанной Конституционным судом РФ, в случаях

---

¹⁰³ Ярославский областной суд. Апелляционное постановление № 22-2686/2023 от 12 декабря 2023 г. по делу № 1-134/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rdSLmGyMmhgC/> (дата обращения: 08.08.2025).

¹⁰⁴ Мордовина А. А., Мордовин П. С. Фигура посредника во взяточничестве в институте соучастия // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 67—71. С. 68.

их выявления необходимо возбуждать уголовные дела для соединения их с делом об уже расследуемом преступлении по основаниям п. 1 и 2 ч. 1 ст. 153 УПК РФ для последующего дополнения обвинения в порядке ст. 175 УПК РФ¹⁰⁵. Тем не менее, учитывая взаимосвязь совершаемых преступлений, судьи по-разному подходят к юридической оценке явки с повинной лиц, их совершивших.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий были установлены преступные действия К., который, получив на почте посылку с наркотическим веществом, размещал довольно крупные его упаковки в парке, в заранее условленных местах для передачи другим лицам. За этим занятием его застали сотрудники органа дознания и задержали в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. При этом три свертка были обнаружены у К. в его машине, а четвертый (998,28 г мефедрона) — по добровольному признанию задержанного — в месте «закладки». Естественно, что в этот момент не могло идти речи о явке с повинной, тем более что оперативное наблюдение за К. уже велось. Однако в ходе дополнительного допроса К. заявил о желании сообщить о тайнике, о котором не известно правоохранительным органам, где находятся наркотические средства и электронные весы. После поступления уголовного дела в суд его защитник ходатайствовал о применении ч. 2 ст. 31 УК РФ и освобождении подзащитного от уголовной ответственности по эпизоду, указанному им в явке с повинной. Однако суд отметил, что добровольный отказ отсутствует, если лицо отказыва-

---

¹⁰⁵ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворкяна Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О // Судебная система Российской Федерации. URL: https://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4232.htm (дата обращения: 10.08.2025).

ется от доведения до конца преступного намерения из-за опасения быть застигнутым на месте преступления, и не удовлетворил ходатайство¹⁰⁶.

В данном случае признание лицом в совершении им других эпизодов формально могло бы быть явкой с повинной, однако защита попыталась придать ему значение добровольного отказа от доведения преступления, о котором не известно правоохранительным органам, до конца. Сообщение об этом предусмотрено в ч. 4 ст. 31 УК РФ, однако его определенной формы не существует. Думается, что это может быть и явка с повинной. Например, в жалобе на приговор суда первой инстанции осужденный указал на добровольный отказ от доведения кражи до конца, о чем сообщил в явке с повинной, с которой сам обратился в полицию, и на выдачу похищенного. На этом основании его защитник ходатайствовал об освобождении от уголовной ответственности. Судья оставил ходатайство в этой части без удовлетворения, поскольку деяние фактически было совершено, однако смягчил наказание¹⁰⁷.

Это решение соответствует позиции Конституционного суда РФ, выраженной в определениях от 24 ноября 2016 года №2421-О¹⁰⁸ и от

---

¹⁰⁶ *Приговор* Заречного районного суда Свердловской области по делу №1-24/2021 г. 66RS90020-01-2020-001387-82 от 25 февраля 2021 года // Архив Заречного районного суда Свердловской области.

¹⁰⁷ *Верховный Суд* Чувашской Республики. Апелляционное постановление №22-1946/2021 от 19 августа 2021 г. по делу №1-36/2021 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UmO4Xe7FBRdj/> (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁰⁸ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 31 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 №2421-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24112016-n-2421-o/> (дата обращения: 09.08.2025).

17 июля 2018 г. №1988-О¹⁰⁹: ст. 31 УК Российской Федерации не может быть применена как после совершения лицом общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, так и после его пресечения на стадиях приготовления к преступлению и покушения на преступление по не зависящим от этого лица обстоятельствам. В то же время общей позиции в оценке явки с повинной по многоэпизодным делам в судебной практике нет.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ надзорным определением от 15 декабря 2010 года №29-ДП10-7 отменила приговор Мокшанского районного суда Пензенской области от 19 ноября 2008 года и постановление президиума Пензенского областного суда от 28 мая 2008 года в части осуждения Саидова по ч. 1 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ и прекратила дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Саидов был освобожден от уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 31 УК РФ, поскольку в ходе проведения обыска в его квартире была изъята марихуана в крупном размере, но на другой день он добровольно сообщил о тайнике с героином по тому же адресу. Изъятие произошло после его заявления в ходе осмотра квартиры. Судебная коллегия сделала вывод о том, что Саидов добровольно и окончательно прекратил действия, направленные на совершение преступления. По результатам первоначального следственного действия тайник не был обнаружен, Саидов знал об этом, а также о воз-

---

¹⁰⁹ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клименко Станислава Павловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 31 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 №1988-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1988-o/> (дата обращения: 09.08.2025).

возможности дальнейшего хранения героина и распоряжения им, пусть и спустя длительное время — после отбытия наказания за другие преступления¹¹⁰.

Тем не менее такие решения редки, хоть и логичны. Не способствует их принятию и позиция Пленума Верховного суда: добровольной не считается выдача наркотических средств и психотропных веществ при задержании или производстве следственных действий¹¹¹. При этом нет разъяснения о сочетании этих обстоятельств с таким признаком безусловной добровольности, как наличие возможности распорядиться запрещенным к обороту предметом. Действительность такой возможности — признак сугубо оценочный, поэтому показателен вывод Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации в приведенном выше примере по делу Саидова. Нелишним было бы пояснить, что добровольным будет сообщение о преступлении, если это его эпизод, о котором не было известно правоохранительным органам, в том числе и по результатам произведенных следственных действий. О возможности распорядиться результатом преступных действий (запрещенным к обороту предметом, незаконно добытыми ценностями и т. д.) будет свидетельствовать факт передачи информации об этом самим лицом, совершившим преступление, при возможности ее сокрытия. Более точной видится формулировка Пленума Верховного суда Рос-

---

¹¹⁰ *Верховный Суд Российской Федерации. Судебная коллегия по уголовным делам* : определение от 15 декабря 2010 года №29-ДП10-7 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции : [офиц. сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902351718> (дата обращения: 11.08.2025).

¹¹¹ *О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 11.08.2025).

сийской Федерации, высказанная относительно судебной практики по делам о незаконном обороте оружия. Добровольной будет «выдача лицом по своей воле не изъятых при задержании или при производстве следственных действий других предметов, указанных в статьях 222-223.1 УК РФ, а равно сообщение органам власти о месте их нахождения, если им об этом известно не было»¹¹². Интересно и пояснение, в соответствии с которым «закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение»¹¹³. Приведенное толкование вносит ясность и в вопрос оценки судом значения явки с повинной по делам о нескольких преступлениях как основания для применения ст. 31 УК РФ по отдельным эпизодам.

Таким образом, добровольность явки с повинной подтверждает в первую очередь ее уголовно-правовое значение как обстоятельства:

- смягчающего наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- подтверждающего наличие специального основания для освобождения от уголовной ответственности за совершенное преступление по примечанию к некоторым статьям Особенной части УК РФ;
- подтверждающего возможность применения ст. 31 УК РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности при добровольном отказе от доведения преступления до конца.

Добровольность явки с повинной не влияет на ее уголовно-процессуальное значение как повода для возбуждения уголов-

---

¹¹² *О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 №5 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032002/> (дата обращения: 11.08.2025).

¹¹³ Там же.

ного дела. Уголовно-процессуальный закон предписывает обязательность проверки любого сообщения о преступлении на первой стадии процесса. Заявление о принудительном самооговоре может быть подтверждено или опровергнуто как в ходе предварительного расследования, так и в суде, что не повлияет на оценку законности решения о возбуждении уголовного дела, если она не оспаривалась самостоятельно. Что же касается добровольного самооговора с целью ввести в заблуждение правоохранительные органы и воспрепятствовать правосудию, то это, как показывает практика, может привести к привлечению лица к ответственности по ст. 306 УК РФ.

Если добровольность не имеет значения для оценки явки с повинной как повода к возбуждению уголовного дела, то как доказательство такое признание без этого признака не состоится. Очевидно, что добровольность как состояние души в формате уголовно-процессуальной деятельности установить невозможно, поэтому требования законодателя в этом случае, как и в доказывании вообще, формальны. Пленум Верховного Суда РФ отметил важность разъяснения явившемуся с повинной содержания ст. 51 Конституции России, возможности обжалования действий и решений должностных лиц правоохранительных органов и обеспечения права на помощь адвоката уже на стадии возбуждения уголовного дела¹¹⁴. Его обращение перед передачей следователю (дознавателю) уже зарегистрировано как повод для возбуждения уголовного дела. Даже после консультации с адвокатом отказаться от него уже будет невозможно. Несколько по-иному будут складываться обстоятельства при заявлении явки устно, однако законодатель не требует от должностного лица, составляющего протокол при-

---

¹¹⁴ *О судебном приговоре* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. №55 // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8528/> (дата обращения: 12.08.2025).

нятия устного заявления, не только обеспечивать участие адвоката, но и разъяснять это право, которое предусмотрено для участников проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Этот принципиальный момент отметил Конституционный суд РФ в определении по жалобе Мирошниченко, который написал явку с повинной, после чего в отношении него было возбуждено уголовное дело. Потом он обжаловал это решение в суд как незаконное, поскольку его заявление было принято без участия адвоката. Судом было разъяснено, что пользоваться помощью адвоката (защитника) лицо может с момента действительного ограничения его прав, в то время как заявление о явке с повинной — добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении¹¹⁵.

На самом деле, обеспечивая значение этого документа как доказательства, правоприменитель воспринимает заявление как действие, акт доказывания вины заявителя, при этом момент ограничения его прав смещается. Не случайно другим своим решением Конституционный суд РФ предьявляет к явке с повинной такие же требования, как к показаниям обвиняемого (подозреваемого). Учитывая перспективу ее оглашения в судебном заседании как доказательства, он толкует норму ст. 142 УПК РФ как не исключющую права лица на присутствие адвоката, ссылаясь на требования ст. 75 УПК РФ¹¹⁶. Та-

---

¹¹⁵ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой 2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. №2270-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71130898/> (дата обращения: 12.08.2025).

¹¹⁶ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Середкина Антона Вениаминовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской-

кая отсылка практически обязывает следователя (дознателя) формально обеспечивать его участие. Однако стоит согласиться с Е. А. Зайцевой, что это фактически не обеспечивает защиту от принуждения к самооговору¹¹⁷. Адвокат, прибывший по назначению без заключения договора, не заинтересован в оказании помощи. Он лишь поможет должностному лицу, поставив свою подпись в протоколе, легализовать признание лица в совершении им преступления.

Оправдывая подсудимого, обвиняемого во взяточничестве, судья признал недопустимым доказательством его вины протокол явки с повинной, поскольку первоначальным сообщением о преступлении послужил рапорт оперативного сотрудника. О явке было заявлено после производства ряда оперативно-розыскных мероприятий, при этом следователь проигнорировал нормы ч. 1.1 и 1.2 ст. 144 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции согласился с вынесенным приговором, поскольку в сложившихся обстоятельствах самооговор не исключается даже формально¹¹⁸. Правила ст. 141 и 142 УПК РФ регламентируют оформление заявления как повода для возбуждения уголовного дела, но требования к его проверке придают явке с повинной значение доказательства.

ской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 73-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012019-n-73-o/> (дата обращения: 12.08.2025).

¹¹⁷ *Зайцева Е. А.* Явка с повинной: от позиций высших судебных инстанций к конкретному правоприменению // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 25—30.

¹¹⁸ *Верховный Суд Республики Мордовия* : апелляционное постановление № 22-1038/2017 от 18 июня 2017 г. по делу № 22-1038/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [офиц. сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UhpfJVQqRyZT/> (дата обращения: 07.08.2025).

Система видов доказательств, предложенная законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предполагает отнесение явки с повинной к одному из источников доказательств. Однако в этом вопросе есть неопределенность. Действующий закон прямо указывает на правомерность использования такого признания как средства доказывания (ч. 2.1 ст. 144 УПК РФ), однако нельзя не отметить излишнюю формальность этого подхода, не отражающего духа закона. Стремясь создать видимость процессуального порядка, законодатель применяет к явке с повинной требования, предъявляемые к получению показаний. Эта судебная практика существует и сейчас. Так, суд апелляционной инстанции исключил из числа доказательств обвинения явку с повинной, поскольку лицу, заявившему о ней, «не разъяснялось право не свидетельствовать против себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия и решения органа расследования»¹¹⁹. Между тем есть примеры иных решений. Явки с повинной, полученные без участия адвокатов, признаны доказательствами обвинения, поскольку были подтверждены показаниями обвиняемых, данных ими в присутствии защитников¹²⁰.

Фактически приравнивает содержание этого документа к показаниям и Пленум Верховного суда РФ, указывая на необ-

---

¹¹⁹ Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации : апелляционное определение от 10.04.2018 № 3-АПУ18-4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт : [офис. сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10042018-n-3-apu18-4/> (дата обращения: 08.08.2025).

¹²⁰ Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации : кассационное определение № 9-О15-2СП от 28.01.2016 // Закон РФ. Правовая навигационная система Законы и кодексы Российской Федерации. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/640015cbc16585aa4f2641f950870451/> (дата обращения: 08.08.2025).

ходимость разъяснения в случае обращения с ним перечисленных прав и обеспечения возможности их осуществления¹²¹. Тем не менее сведения, сообщенные в ходе явки с повинной, показаниями назвать нельзя. С таким же успехом можно признать доказательством любое заявление о преступлении. Импонирует позиция Л. А. Моргачевой: должна быть учтена не только природа получаемых сведений, но и механизм их получения — непосредственное изложение лицом, которое на момент возбуждения уголовного дела не имеет надлежащего статуса и не может быть допрошено в установленном законом порядке. Таким образом, явка с повинной не может образовывать какой-либо вид доказательства¹²². Формальные требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ не согласованы с содержанием ст. 141 и 142 УПК РФ и не могут защитить от самооговора. Этому же мнению придерживается С. Ю. Туров: в рамках уголовно-процессуального права явка с повинной остается поводом для возбуждения уголовного дела, даже если заявлена в отсутствие адвоката¹²³.

Учитывая сложившуюся судебную практику, позицию Конституционного суда РФ, Пленума Верховного суда РФ и действующее уголовно-процессуальное законодательство, можно сделать вывод, что явка с повинной или протокол заявления

---

¹²¹ *О судебном приговоре* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Верховный Суд Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8528/> (дата обращения: 12.08.2025).

¹²² *Моргачева Л. А.* Правомерно ли использовать объяснения, заявление о явке с повинной и результаты оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств? // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 74—80. С. 77.

¹²³ *Туров С. Ю.* Правовая природа явки с повинной // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33, вып. 2. С. 344—350. С. 348. doi: 10.35634/2412-9593-2023-33-2-344-350.

о ней признается доказательством обвинения даже в случае отказа от нее, если соблюдены формальные требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и сообщенные сведения подтверждены имеющимися в уголовном деле доказательствами.

3.2. Признанное обвинение как предмет судебного доказывания

Соглашение сторон в российском уголовном процессе подразумевает официальный отказ уголовно преследуемого лица от своего права на защиту от обвинения в суде (гл. 40 УПК РФ) и его обязанность активно содействовать раскрытию преступления (гл. 40.1 УПК РФ). Главы связаны общими правилами рассмотрения уголовного дела в суде, а также правовыми последствиями: существенным смягчением наказания — не более двух третей (ч. 7 ст. 316 УПК РФ, ч. 5 ст. 62 УК РФ) и не более половины (ч. 2 ст. 62 УК РФ) максимального срока; приговоры, постановленные в предусмотренном главами порядке, не являются преюдициальными (ст. 90 УПК РФ). Это позволяет говорить о них как о составляющих части уголовно-процессуального права, регулирующей группу однородных правоотношений, то есть об институте согласия с предъявленным обвинением.

У этого института довольно много нерешенных проблем процессуального характера. Особый порядок принятия судебного решения распространяется на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, обозначенные ст. 314 УПК РФ. Если следовать смыслу предложенных законодателем норм, для этого обвиняемому необходимо только согласиться с предъявленным обвинением и заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, однако досудебного соглашения о сотрудничестве с

правоохранительными органами заключать не нужно. Что касается гл. 40.1 УПК РФ, одним из основных условий ее действия является предоставление сведений о соучастниках преступления в рамках заключенного соглашения. Часть 4 ст. 317.6 УПК РФ говорит о невозможности применения данного порядка, если содействие подозреваемого (обвиняемого) следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Таким образом, заключение соглашения о сотрудничестве предполагается по делам о групповых преступлениях без ограничения тяжести содеянного. В связи с этим и действие гл. 40 УПК РФ в части постановления приговора без проведения судебного разбирательства распространяется на все преступления, в том числе на тяжкие и особо тяжкие, на основании представления прокурора, в котором оценивается значение сотрудничества с обвиняемым на стадии предварительного расследования (ст. 317.5, 317.6 УПК РФ).

По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести обвиняемый не ограничен условием выдачи соучастников. Кроме того, заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства он может только после окончания предварительного расследования: либо в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании (ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Обвиняемые в совершении более тяжких преступлений могут заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия.

Может ли рассчитывать на особый порядок постановления приговора лицо, обвиняемое в совершении преступления небольшой и средней тяжести, совершившее преступление в группе, но не заключившее соглашение о сотрудничестве со следователем? До введения гл. 40.1 в УПК РФ на этот вопрос

можно было бы ответить однозначно¹²⁴. Законодатель не ставит никаких дополнительных условий, кроме признания вины, для заявления обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Гипотетически при этом он хотя бы частично сохраняет за собой права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, гарантируемые презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ) и Конституцией (ст. 51).

В то же время при рассмотрении его ходатайства в суде суд должен получить согласие прокурора на рассмотрение дела в особом порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ). Государственный обвинитель вполне может препятствовать проведению сокращенного судебного заседания из-за того, что обвиняемый не дал показаний против соучастников, даже если при этом согласился с обвинением. Прокурор может таким образом воздействовать на подсудимого; в действующем уголовно-процессуальном законе ничего не сказано о мотивировке его решения и об основаниях его несогласия с проведением сокращенного судебного заседания. Он может возражать против применения гл. 40 УПК РФ не только из-за процессуальных препятствий к этому, но и исходя из собственного понимания согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Ссылаясь на то, что обвиняемый не раскрыл все обстоятельства преступления, а значит, на самом деле не раскаялся в содеянном, государственный обвинитель может настаивать на полном исследовании доказательств. Утяжеления квалификации обвинения в суде, конечно, быть не может (ст. 252 УПК РФ), однако наказание может быть назначено более жесткое. По крайней мере судья не может противодействовать возражению прокурора против ходатайства обвиняемого¹²⁵. В обобщении судеб-

---

¹²⁴ *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля.

¹²⁵ *Александрова Л. А.* Сделка и соглашение при производстве по уголовным делам // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 2 (4). С. 39—43. С. 40.

ной практики о применении норм гл. 40 УПК РФ вполне справедливо отмечается его зависимость от позиции государственного обвинителя даже в случае «явной необъективности» его возражений против применения особого порядка судебного разбирательства¹²⁶.

Законодатель не раскрывает возможность применения гл. 40 УПК РФ в случае совершения преступления в соучастии. Для этого, например, не предусмотрено основание выделения уголовного дела в отношении лица, подавшего ходатайство. С другой стороны, активного содействия расследованию от уголовно-преследуемого лица в данном случае и не требуется. Поведение обвиняемого может определять надлежащий вид производства для разрешения уголовного дела в суде, однако это поведение носит оценочный характер.

Так, защитник обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.2 УПК РФ, ходатайствовал о прекращении в отношении подзащитной уголовного дела с применением судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). Государственный обвинитель возражал против прекращения уголовного дела по этому основанию, поскольку подсудимая, по его мнению, недостаточно активно содействовала раскрытию преступления. О факте его совершения стало известно от сотрудников органа дознания, а это значит, что общественная опасность преступления остается высокой. При этом обвинитель выразил согласие на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ. Тем не менее судья

---

¹²⁶ *Общение* судебной практики по применению особого порядка судебного разбирательства, установленного главой 40 УПК РФ за период 2021 г. — первое полугодие 2023 г. // Судебный участок № 3 мирового судьи Центрального района г. Оренбурга : [офиц. сайт]. URL: <https://centr3.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-po-primeniyu-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratelstva-ustanovlennogo-glavoj-40-upk-rf-za-period-2021g-pervoe-polugodie-2023g> (дата обращения: 20.08.2025).

удовлетворил ходатайство защитника¹²⁷. Этот случай показывает отношение прокурора к применению сокращенного порядка судебного разбирательства, его убеждение в том, что для этого не обязательно активное содействие органам предварительного расследования со стороны обвиняемого, согласившегося с обвинением.

Разграничивая производства, связанные с согласием обвиняемого с обвинением, законодатель определил пределы применения гл. 40 УПК РФ кругом дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Тем не менее не мешало бы уточнить такие условия ее применения, как очевидность преступления и совершение его в соучастии. В первом случае, учитывая процессуальные пределы заявления ходатайства, уголовно преследуемое лицо соглашается с обвинением после того, как органам расследования удалось его доказать; то есть не может идти речи о его активном содействии, как и о наличии каких-либо иных версий совершения деяния. Во втором — предпочтительнее применение порядка, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ. Нельзя при этом не учитывать, что ее нормы предполагают отказ обвиняемого (подозреваемого) от права отказаться давать показания против себя и близких родственников уже на стадии предварительного расследования. По сути, и бремя доказывания в какой-то мере перекладывается на него, поскольку от его активности зависит содержание представления прокурора о применении сокращенного судебного разбирательства.

На практике возникают и другие процессуальные вопросы при применении особых порядков, регулируемых гл. 40 и 40.1 УПК РФ. Например, при переквалификации деяния решение может быть принято прокурором по собственному усмотрению.

---

¹²⁷ *Кондинский* районный суд Ханты-Мансийского автономного округа : постановление № 1-106/2024 1-39/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-106/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ICU0sJNyMpgX/> (дата обращения: 20.08.2025).

Органами предварительного следствия К-а, М-а и М-в подозревались в совершении преступления (п. «а, в, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). К-а скрылась от органов предварительного следствия, была объявлена в розыск, материалы были выделены в отдельное производство. По ходу продолжения производства предварительного следствия М-ой и М-ву было предъявлено обвинение, вину они признали полностью, заявили ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке. Прокурор вернул дело на дополнительное расследование, по результатам которого в отношении М-ва было прекращено уголовное преследование за отсутствием в его действиях состава преступления. Действия М-вой были переквалифицированы по ч. 3 ст. 162 УК РФ. Вину М-ва не признала, дело было направлено в суд. В ходе судебного следствия факты, сообщенные подсудимой о том, что нападение они не совершали, а имело место открытое хищение, подтвердились исследованными доказательствами (показаниями подсудимой, потерпевшей и другими материалами дела). Государственный обвинитель изменил обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния на п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Суд признал М-ву виновной в совершении этого деяния, то есть того, в чем она обвинялась первоначально, признавала вину и ходатайствовала о применении особого порядка судебного разбирательства¹²⁸.

Таким образом, из-за ошибочного убеждения прокурора и принятого им на этом основании решения подсудимая была лишена гарантии о назначении ей наказания не более двух третей максимального срока, предусмотренного ст. 161 УК РФ, хотя с обвинением согласилась еще в ходе предварительного расследования.

---

¹²⁸ Приговор Североуральского городского суда от 28.01.2009 г. // Архив Североуральского городского суда Свердловской области за 2009 год. Уголовное дело № 1-28/09.

Применение сокращенного порядка при рассмотрении уголовного дела в суде практически исключает для подсудимого возможность переквалификации его деяния на менее тяжкое. Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, не обоснованно и не подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, он должен вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6, 7 ст. 316 УПК РФ).

Органами предварительного расследования действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Поскольку вину он признал полностью, суд рассмотрел уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства, без исследования и оценки собранных по делу доказательств. Судья не согласился с выводами стороны обвинения и квалифицировал действия подсудимого по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как единое продолжаемое преступление: предмет хищения был один и тот же, преступные действия совершались в пределах одних суток и были охвачены единым умыслом. Приговор, постановленный в порядке гл. 40 УПК РФ, был отменен судом апелляционной инстанции на основании существенного нарушения уголовно-процессуального закона, поскольку обвинение, с которым согласился подсудимый, не могло быть изменено без исследования доказательств по уголовному делу. Оно было передано на новое судебное разбирательство в тот же суд первой инстанции, в ином составе суда, со стадии подготовки к судебному заседанию¹²⁹.

Возникают вопросы, на которые законодатель не дал ответа: действует ли заявленное ходатайство при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции повторно? Может ли

---

¹²⁹ Свердловский областной суд : апелляционное постановление № 22-6812/2017 от 14 сентября 2017 г. по делу № 22-6812/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VnJhzpCmdCZW/> (дата обращения: 21.08.2025).

подсудимый заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства на предварительном слушании, если его дело было возвращено судом кассационной инстанции? Практика дает положительные ответы.

Суд кассационной инстанции отменил приговор Верхнепышминского городского суда Свердловской области, которым Д. был осужден по ч. 2 ст. 290 УК РФ. При рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции подсудимый не согласился с предъявленным обвинением и оспаривал свою виновность в совершении преступления (получение взятки за незаконное бездействие). Суд приговорил Д. к трем годам лишения свободы. Это решение было отменено по представлению прокурора ввиду чрезмерной мягкости назначенного наказания, а кассационные жалобы защитника и осужденного, в которых оспаривались выводы суда о доказанности его вины, были оставлены без удовлетворения. Уголовное дело было направлено на новое рассмотрение судом первой инстанции со стадии судебного разбирательства. Тем не менее подсудимым было заявлено о согласии с предъявленным обвинением, в связи с чем он ходатайствовал о постановлении приговора в порядке гл. 40 УПК РФ. Вновь назначенный государственный обвинитель ходатайство поддержал, и судом оно было удовлетворено. В этот раз Д. был приговорен к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы. Государственным обвинителем и защитником приговор был обжалован в связи с чрезмерной суровостью наказания.

Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда приговор был отменен вследствие нарушения уголовно-процессуального закона. Мотивировано определение было следующим образом. Согласно ст. 315 УПК РФ данное ходатайство может быть заявлено обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела либо на предварительном слушании. Таким образом, оно не может быть принято и рассмотрено судом, если заявлено после назначения судебного

заседания. Поскольку дело направлено на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, а не со стадии предварительного слушания, у суда не имелось процессуальных оснований для разрешения вопросов, предусмотренных ст. 227 и 229 УПК РФ. Следовательно, предварительное слушание проведено и ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства удовлетворено судом с нарушением требований уголовно-процессуального закона¹³⁰.

Из данного толкования следует, что при направлении уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции со стадии предварительного слушания заявление ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке и его удовлетворение возможно, даже если на предыдущем рассмотрении дела судом первой инстанции подсудимый вину не признавал.

Переквалификация деяния невозможна, если дело рассматривается в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Однако отмена приговора судом вышестоящей инстанции с возвращением дела на новое судебное рассмотрение может дать такую возможность, если на предварительном слушании подсудимый не подтвердит прежнее свое ходатайство. Более того, действующее уголовно-процессуальное законодательство не исключает согласия с предъявленным обвинением по возвращенному делу, хотя расчет уголовно-преследуемого лица в этом случае очевиден.

Если ранее было заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, то, как представляется, не нужно лишать обвиняемого возможности подтвердить свое согласие с предъявленным обвинением при возвращении уго-

---

¹³⁰ *Кассационное* определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 29 февраля 2008 г. по делу №22-2222/2008. Приводится по: *Александрова Л. А.* Сделка и соглашение при производстве по уголовным делам // *Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию.* 2010. №2 (4). С. 39—43. С. 42.

ловного дела в суд первой инстанции судом вышестоящим. Для этого необходимо предусмотреть, при наличии к тому оснований, возвращение уголовного дела в суд первой инстанции со стадии назначения судебного разбирательства в случае неподтверждения обвинения фактическими обстоятельствами. Приговоры, постановленные в особом порядке, не обжалуются из-за несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 317 УПК РФ), однако применение такого основания, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона со ссылкой на невыполнение требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ, парализует действие этого запрета.

Глава 4

ДЕФЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

4.1. Дефекты, влекущие сложность толкования отдельных видов доказательств

Пункты 1 и 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ к доказательствам относят показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.

Вопрос отнесения показаний соучастника к определенной категории источников доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, требует дополнительного законодательного прояснения. На сегодняшний день показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, квалифицируются как свидетельские. Однако следует признать, что по своей сущности подобные показания ближе к показаниям подозреваемого либо обвиняемого. Ввиду этого целесообразно нормативное уточнение — либо посредством внесения в п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ специальной категории участников, либо путем нормативной отсылки к соответствующему пункту.

Особое значение в развитии данного подхода приобрело Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 20 июля 2016 года №17-П, вынесенное по жалобе Д. В. Усенко¹³¹.

---

¹³¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

Многие правовые позиции, изложенные Конституционным судом в указанном решении, выходят за пределы конкретного случая, связанного с допросом в основном деле соучастника, уголовное преследование в отношении которого было выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Фактически указанный акт затрагивает более широкий круг вопросов, связанных с допросом лиц, выступающих в роли соучастников при процессуальном разделении уголовных дел.

Тем не менее в предписании, адресованном законодателю, содержалось указание на необходимость внесения изменений в УПК РФ лишь в той части, которая касалась процессуального порядка получения показаний по основному уголовному делу от лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве. В результате законодатель дополнил УПК РФ рядом новелл, среди которых ключевое значение приобрела ст. 56¹ УПК РФ. Данным положением лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство на основании заключенного досудебного соглашения, было наделено процессуальным статусом самостоятельного участника уголовного судопроизводства.

Такой участник формально обладает объемом процессуальных прав, предусмотренных для свидетеля, однако с существенным исключением: в соответствии с ч. 7 ст. 56¹ УПК РФ он не подлежит предупреждению об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ.

Результатом проведенной реформы стало возникновение неустраняемого дуализма в правоприменительной практике, связанной с получением показаний от лиц, находящихся в схожем процессуальном положении, — соучастников, уголов-

---

гражданина Д. В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

ные дела в отношении которых были выделены в отдельное производство по иным основаниям. В частности, участники, заключившие досудебные соглашения о сотрудничестве, стали допрашиваться в качестве особого процессуального субъекта — лица, обладающего правами свидетеля, но при этом освобожденного от предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложные показания или отказ от дачи показаний (ст. 307, 308 УК РФ).

В современной судебной практике сохраняется тенденция допроса определенной категории лиц в процессуальном статусе «обычных свидетелей», что сопровождается формальным соблюдением предусмотренных законом требований, включая предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний либо за их заведомую ложность. Подобный подход основывается на буквальном толковании положений уголовно-процессуального закона, из чего следует, что при отсутствии специальных предписаний должен применяться общий порядок допроса. Однако наряду с этим складывается и иная практика: отдельные суды прибегают к применению аналогии и осуществляют допрос таких лиц по правилам, установленным для участников уголовного процесса, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Данное разнотолкование свидетельствует не только о проблемах правового регулирования, но и о риске подрыва принципа правовой определенности и единообразия судебной практики. В условиях отсутствия унифицированного механизма регулирования возникает необходимость разработки и законодательного закрепления специальных процедурных правил, исключающих возможность произвольного выбора судом модели допроса.

В связи с этим представляется целесообразным внесение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ норм, устанавливающих единообразный процессуальный режим получения показаний от любого соучастника, не подвергающегося уголовному пре-

следованию в рамках конкретного уголовного дела. Это необходимо как в целях устранения правовой неопределенности, так и для соблюдения принципов равенства и недопущения злоупотреблений при оценке достоверности таких показаний.

Неоднозначным остается подход к доказательственной оценке полученных сотрудниками объяснений.

Несмотря на то что ч. 1 ст. 144 УПК РФ допускает возможность получения объяснений при проведении проверки сообщения о преступлении, правовая природа указанных объяснений остается неоднозначной в контексте их доказательственного значения. Законодатель, не устанавливая ни унифицированной формы, ни процессуальных гарантий, сопровождающих их получение, фактически оставляет реализацию данного полномочия на усмотрение правоприменителя. В то же время ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень источников доказательств, к числу которых объяснения, полученные в порядке ст. 144 УПК РФ, не отнесены.

Указанная диспропорция порождает коллизию: с одной стороны, сведения, изложенные в объяснениях, нередко обладают высокой степенью информационной значимости, особенно в случаях последующего изменения позиции лиц, их предоставивших; с другой — процессуальная несостоятельность этих документов не позволяет рассматривать их в качестве допустимых доказательств.

Таким образом, складывается ситуация, при которой правовая неопределенность статуса объяснений, полученных в досудебной стадии проверки, затрудняет установление допустимых границ их использования в доказывании, особенно в условиях отсутствия процессуального статуса у дающего объяснение лица и надлежащих правовых гарантий. Решение данной проблемы требует либо законодательного уточнения процессуального статуса таких сведений, либо исключения их из доказательственной базы.

Судебная практика идет по последнему пути. Однако предпринимаются попытки практического легитимирования

объяснений, полученных до возбуждения уголовного дела, в качестве источников доказательств. В условиях формирования устойчивой судебной практики, при которой апелляционные и кассационные инстанции последовательно исключали возможность использования в приговорах ссылок на подобного рода объяснения как по формальным, так и по содержательным основаниям, практикующие субъекты уголовного судопроизводства вынуждены были обратиться к более гибким правовым конструкциям.

Одним из способов интеграции объяснений в доказательственную систему стало их формальное отнесение к категории «иных документов» в понимании ст. 84 УПК РФ. При этом игнорировались как особенности получения этих сведений, так и отсутствие процессуальных гарантий, предусмотренных для иных источников доказательств.

Другой способ заключался в попытке придания объяснениям статуса вещественных доказательств путем их формального осмотра и последующего документирования результатов (ст. 81, 82 УПК РФ). Такая трансформация представлялась внешне корректной с формальной точки зрения, но фактически нарушала логико-юридическую природу вещественного доказательства как носителя признаков материального мира.

Третий способ заключается в том, что сотрудники, проводящие оперативно-розыскные мероприятия, стали записывать на видео объяснение лица, в отношении которого проводятся мероприятия, рассекречивать их и представлять суду диск с результатами проведенных мероприятий.

Таким образом, указанные практики представляют собой попытки преодоления пробела в законодательном регулировании, однако с позиции доктрины и стандартов доказывания они не могут быть признаны допустимыми и правомерными без надлежащей законодательной регламентации и обеспечения процессуальных гарантий, необходимых для признания полученной информации доказательством в уголовном процессе.

На основании правовой позиции Конституционного суда РФ «протокол с объяснениями может рассматриваться лишь в качестве источника, требующего подтверждения фактов, и сам по себе не может служить объективным средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, а поэтому, по смыслу ст. 74, 78, 79, 81, 83 и 86 УПК РФ, не является вещественным доказательством, если сам не служил средством совершения преступления или не сохранил на себе следы преступления. Иное приводило бы к отступлениям от установленного порядка доказывания по уголовному делу»¹³².

Таким образом, следует согласиться с теми учеными, которые полагают, что «объяснения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, не подпадают ни под легальные признаки вещественных доказательств, ни под их доктринальное определение, а следовательно, не могут выступать в этом качестве в современном российском уголовном процессе, кроме тех случаев, когда они служили средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления»¹³³.

Вместе с тем некоторые исследователи высказывают иную точку зрения, которая сводится к следующему. Потенциальным направлением разрешения обозначенного нормативного конфликта может выступать институциональное закрепление объяснений, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении, в перечне допустимых источников доказательственной информации, предусмотренном ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Такая мера представляется не только логически вытекающей

---

¹³² *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 335-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

¹³³ *Никифорова Е. Ю., Милицин С. Д.* Природа и процессуальная сущность объяснений, полученных в порядке ст. 144 УПК РФ // *Мировой судья*. 2024. № 6. С. 20—26.

из анализа положений ст. 144 УПК РФ, но и концептуально согласующейся с нормами п. 2 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ, регламентирующими особенности особого порядка производства по делам о преступлениях, относящихся к компетенции дознания в сокращенной форме.

Закрепление объяснений в числе допустимых видов доказательств позволило бы устранить существующий правоприменительный дисбаланс между фактическим использованием сведений, полученных на доследственной стадии, и формальными ограничениями, установленными действующим законодательством. При этом необходимо было бы ввести процессуальные гарантии, обеспечивающие проверяемость, достоверность и допустимость таких объяснений с тем, чтобы исключить возможность произвольного и необоснованного их включения в доказательственную базу уголовного дела.

Так, Д. А. Степаков полагает, что «объяснение необходимо уголовному судопроизводству так же, как необходим институт дознания в качестве упрощенной формы предварительного расследования (в его первоначальном смысле). То доказательственное назначение, которое объяснения могут иметь при производстве дознания в сокращенной форме, вполне может быть придано им и при производстве других форм предварительного расследования — необходимо лишь должным образом интегрировать его в процесс доказывания, создать универсальную модель его использования в качестве доказательства»¹³⁴.

В рамках действующего уголовно-процессуального регулирования объяснение, полученное уполномоченными субъектами — дознавателем, органом дознания, следователем либо руководителем следственного органа — в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, представляет собой допустимый способ фиксации сведений на досудебной стадии, ограничен-

---

¹³⁴ Степаков Д. А. К вопросу о возможности использования объяснений в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2023. № 1. С. 31—34.

ной исключительно рамками процедуры проверки сообщения о преступлении. Несмотря на то что указанные объяснения зачастую содержат сведения, релевантные предмету доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ, они не могут признаваться доказательствами в процессуальном смысле, поскольку не включены в исчерпывающий перечень источников доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Таким образом, действующая редакция уголовно-процессуального законодательства демонстрирует правовую неопределенность в отношении объяснений, получаемых в порядке ст. 144 УПК РФ, что требует дальнейшего научного осмысления и возможной нормативной корректировки.

На сегодняшний день наблюдается устойчивая тенденция к активизации научного интереса к заключению и показаниям специалиста как к самостоятельному источнику доказательств в уголовном судопроизводстве. Возрастающее число научных публикаций, докладов на научно-практических конференциях и круглых столах свидетельствует о признании важности теоретического осмысления и практической значимости данного института. Уточнение правового статуса специалиста, разграничение его полномочий с экспертом, а также процессуальные аспекты получения и оценки заключения специалиста становятся предметом углубленного анализа в рамках уголовно-процессуальной доктрины.

Такой интерес обусловлен как расширением сферы применения специальных знаний в уголовном процессе, так и необходимостью повышения достоверности и обоснованности принимаемых процессуальных решений. Вместе с тем сохраняется дискуссионность вопросов, касающихся допустимости, достоверности и оценочной ценности заключения специалиста по сравнению с экспертным заключением.

Более двух десятилетий назад в российское уголовно-процессуальное законодательство были внесены значимые изменения, касающиеся расширения процессуальных возможностей использования специальных знаний при расследовании и

рассмотрении уголовных дел. В частности, ч. 2 ст. 74 УПК РФ была дополнена п. 3¹, предусматривающим возможность использования заключения и показаний специалиста в качестве самостоятельного источника доказательств. Наряду с этим ст. 80 УПК РФ была дополнена ч. 3 и 4, содержащими нормативные определения понятий «заключение специалиста» и «показания специалиста».

Совокупность этих положений, в том числе норма ст. 58 УПК РФ, устанавливающая процессуальный статус специалиста, положения ст. 61 и 71 УПК РФ, определяющие основания и порядок его отвода, а также ст. 82, 144, 161, 164, 164.1, 168 УПК РФ и других, регламентирующие порядок привлечения специалиста, его участие в процессуальных действиях и оформление результатов деятельности, позволяют обоснованно утверждать о формировании в рамках отечественного уголовного процесса самостоятельного института. Он не только функционирует как важный элемент системы доказывания, но и приобретает все более значимую роль в условиях усложнения характера расследуемых преступлений и повышения требований к научной обоснованности и достоверности собираемых доказательств.

Правовая основа участия специалиста в уголовном судопроизводстве со стороны защиты закреплена в п. 3 ст. 53 УПК РФ, формулировка которого носит лаконичный характер: «Привлекать специалиста в соответствии со статьей 58 настоящего Кодекса». Несмотря на внешнюю простоту данной нормы, ее реализация на практике сопряжена с рядом существенных аспектов, влияющих на правовой статус полученных в результате привлечения специалиста доказательств.

Прежде всего представляется необходимым отметить, что заключение специалиста, подготовленное по инициативе стороны защиты, может быть признано допустимым доказательством только при соблюдении установленных законом требований. Так, согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, одним из ключевых критериев оценки любого доказательства является его отно-

симось, то есть способность подтверждать или опровергать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Заключение специалиста, содержащие сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, удовлетворяет данному критерию.

Однако одной относимости недостаточно. Не менее важным является соблюдение принципа допустимости, предполагающего, что доказательство должно быть получено с соблюдением норм, регулирующих порядок его формирования. Это означает, что заключение специалиста может быть признано допустимым доказательством только при условии строгого следования установленным уголовно-процессуальным требованиям, в том числе относящимся к процессуальной форме привлечения специалиста, документальному оформлению результатов его деятельности, а также к правовому статусу самого лица, осуществляющего экспертно-аналитическую работу. Таким образом, соблюдение процессуального порядка при получении заключения специалиста выступает необходимой гарантией его доказательственной значимости в уголовном судопроизводстве.

Учеными отмечается, что, «декларировав возможность получения и представления заключения специалиста стороной защиты, законодатель не определил процедуру его получения»¹³⁵ и «заключение специалиста — доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием»¹³⁶.

Процессуальный статус специалиста в уголовном судопроизводстве регламентирован ст. 58 УПК РФ. В частности,

---

¹³⁵ *Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Коваленко В. И.* Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2024. №3. С. 420—432.

¹³⁶ *Елагина Е. В., Харатишвили А. Г.* Заключение специалиста — доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием // Эксперт-криминалист. 2021. №4. С. 10—12.

ч. 1 данной нормы формально определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Функции специалиста включают оказание содействия органам предварительного расследования и суду при обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов, использовании технических средств для исследования материалов уголовного дела, формулировании вопросов эксперту, а также предоставлении сторонам и суду разъяснений, относящихся к сфере его профессиональной компетенции.

Анализ содержания ст. 58 УПК РФ позволяет утверждать, что в ней раскрываются не только функции специалиста, но и его полномочия, реализуемые в рамках конкретных процессуальных действий. Вместе с тем при сопоставлении положений данной статьи с п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ обращает на себя внимание наличие в последней указания как на заключение специалиста, так и на его показания в качестве самостоятельных источников доказательств. Однако в самой ст. 58 УПК РФ отсутствует прямое указание на возможность или необходимость получения показаний от специалиста, а также не раскрываются цели и правовая природа таких показаний.

В этой связи возникает необходимость в уточнении положения специалиста в качестве лица, способного давать показания, обладающие доказательственной ценностью. Учитывая нормы ч. 4 ст. 80 УПК РФ, показаниями специалиста признаются сведения, сообщаемые им на допросе по вопросам, требующим специальных знаний. Следовательно, правомерным представляется вывод о том, что показания специалиста могут и должны касаться исключительно обстоятельств, которые находятся в пределах его профессиональной компетенции и вытекают из его участия в процессуальных действиях.

Под специальными знаниями следует понимать совокупность теоретических и прикладных сведений, приобретаемых

в результате профессионального образования и (или) опыта практической деятельности в определенной сфере, выходящей за рамки обыденных представлений и общедоступной информации. Данный термин следует отличать от «специальных познаний», которые означают способность специалиста применять свои специальные знания в предусмотренной УПК РФ форме.

В специализированной литературе можно встретить мнения о том, что «необходимо совершенствовать как теоретические подходы к вопросу о понятии специальных знаний, применяемых в уголовном судопроизводстве, так и регламентировать в уголовно-процессуальном законе отдельные вопросы использования специальных знаний»¹³⁷. Возможно, произошла подмена терминов законодателем.

В отличие от института судебной экспертизы заключение специалиста лишено предусмотренных для экспертного заключения форм — таких как повторная, дополнительная, комиссионная или комплексная экспертиза. Это, в свою очередь, обуславливает менее формализованный характер взаимодействия со специалистом и относительную гибкость в его использовании, что, с одной стороны, расширяет возможности участников процесса, а с другой — требует от них более тщательной оценки полученной информации на предмет ее достоверности.

Тем не менее действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит запрета на участие в деле нескольких специалистов, каждый из которых может быть привлечен для дачи заключения в пределах своей профессиональной компетенции. Таким образом, правоприменитель получает возможность использовать разносторонние специальные знания различных специалистов для формирования более объек-

---

¹³⁷ *Светличный А. А.* К вопросу о дискуссионности понятия «специальные знания» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 279—286.

тивной и обоснованной правовой позиции. Такой подход может быть особенно оправдан при решении сложных и междисциплинарных вопросов, требующих участия специалистов из различных отраслей науки и практики.

Таким образом, учитывая устойчивую практическую востребованность участия специалиста в уголовном судопроизводстве, а также значимость получаемых от него сведений, необходимо признать актуальность и необходимость дальнейшего совершенствования процессуального механизма, обеспечивающего надлежащее доверие к используемым специальным знаниям. Повышение уровня доказательственного значения заключений и показаний специалиста требует как системного подхода к регламентации его статуса и процедурной роли, так и укрепления правовых гарантий, обеспечивающих объективность и достоверность сообщаемых им сведений. Формирование устойчивого процессуального доверия к специалисту возможно лишь при условии четкой нормативной определенности критериев допустимости, относимости и достоверности его заключений и показаний, равно как и прозрачности порядка их получения и оценки.

Однако использование заключения специалиста по вопросам применения уголовных или уголовно-процессуальных норм вызывает вопросы у правоприменителей.

С формально-правовой точки зрения в соответствии с п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение специалиста относится к числу допустимых источников доказательств, что предполагает его юридическое равенство и сопоставимость с иными видами доказательств, в частности с заключением эксперта. Тем не менее детальное исследование действующих уголовно-процессуальных норм, а также их системное толкование позволяют усомниться в безусловной доказательственной природе заключения специалиста. Основываясь на концептуальных положениях доктрины уголовного процесса, можно утверждать, что заключение специалиста по своей сути часто не выходит за рамки экспертного суждения консультативного характера.

Зачастую специалист дает свое заключение по вопросам применения права, правильности квалификации действий обвиняемого. Однако такое заключение, несмотря на потенциальную значимость для правоприменительной практики мнения известного ученого, не может рассматриваться в качестве полноценного процессуального доказательства. Это обусловлено в первую очередь отсутствием у научного суждения способности содержать сведения о фактических обстоятельствах конкретного уголовного дела. Использование такого заключения возможно в качестве аргументов с юридической позиции стороны, но не в качестве самостоятельных источников доказательственной информации.

Следует согласиться с А. А. Терентьевым в том, что «правовое заключение не устанавливает факты по делу, оно является формой интерпретации правовых норм, осуществляемой в рамках разрешения конкретного дела»¹³⁸.

В связи с изложенным представляется обоснованной позиция, согласно которой практика вызова автора доктринального заключения для допроса в качестве специалиста выходит за рамки допустимого процессуального порядка и противоречит назначению института специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Попытка трансформировать научное мнение, представляющее собой теоретическое осмысление правовых вопросов, в форму показаний специалиста по существу подменяет природу процессуальных доказательств, приводит к подмене категориально различных по своей сути феноменов — юридической доктрины и специальных знаний, применяемых для установления обстоятельств, требующих экспертной оценки фактических данных. Следовательно, включение научного мнения в процесс доказывания в форме допроса специалиста не отвечает ни требованиям допустимости доказательства, ни целям уголовного судопроизводства.

---

¹³⁸ Терентьев А. А. Доктринальное заключение в уголовном процессе // Эволюция российского права : материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2019. С. 467.

В процессуальной литературе замечается, что «значение доктринального толкования не в формальной обязательности, а в убедительности, в силе авторитета тех лиц и организаций, которые производят это толкование. Будучи тесно связано с практикой, оно призвано освещать ей путь, улучшить качество применения права»¹³⁹.

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ протокол судебного заседания является одним из доказательств, подлежащих оценке с точки зрения допустимости и достоверности наравне с другими доказательствами.

Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что «общие требования к ведению протокола судебного заседания определяют его значение как процессуального документа, который призван достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, способствовать постановлению приговора в соответствии с доказательствами, исследованными в судебном заседании, и обеспечивать возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении уголовных дел»¹⁴⁰.

---

¹³⁹ Арзамасов Ю.Г. Проблемы доктринального толкования права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2016. № 12. С. 14.

¹⁴⁰ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коквина Антона Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 259 и 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1014-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гришенкова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1558-О-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Филина Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1433-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.08.2025).

Однако механизм проверки и оценки протокола в УПК РФ отсутствует. Преодолевая данный пробел, суды апелляционной инстанции, сталкиваясь с пороками протокола судебного заседания, наличием замечаний сторон относительно его содержания, формировали практику возвращения в суд первой инстанции для устранения таких пороков, рассмотрения замечаний.

Указывая на то, что «Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит указаний на возможность возвращения дела в суд первой инстанции в случае поступления замечаний на протокол судебного заседания этого суда, когда дело уже находится в суде апелляционной инстанции», и, таким образом, фактически признавая наличие пробела, Конституционный суд РФ между тем констатировал несоответствие такой практики закону¹⁴¹.

В своей правовой позиции Конституционный суд РФ обоснованно исходит из того, что суд апелляционной инстанции обладает полномочиями по непосредственному исследованию доказательств, представленных сторонами, с соблюдением всех процессуальных гарантий, аналогичных тем, что обеспечиваются при рассмотрении дела судом первой инстанции. Апелляционный суд вправе проверить полноту судебного следствия, проведенного судом первой инстанции, включая возможность повторного допроса лиц, уже дававших показания, и без внесения изменений в протокол судебного заседания принять решение на основании вновь установленных обстоятельств, в том числе с учетом устранения дефектов, допущенных при составлении протокола судебного заседания. Подобный подход направлен на обеспечение принципа полноты и объективности судебного разбирательства, а также на реализацию права на эффективное обжалование судебных актов.

---

¹⁴¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2017 №21-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

Возвращение уголовного дела из суда апелляционной инстанции в суд первой инстанции не может производиться произвольно и вне рамок, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Такая процессуальная мера требует наличия четко закрепленных оснований и соответствующей процедуры, соотносимой с общим (ординарным) порядком судопроизводства. В этой связи необходимо констатировать, что ч. 3 ст. 389¹¹ УПК РФ, как в ее буквальном толковании, так и в интерпретации, предложенной Пленумом Верховного суда РФ, не допускает расширительного применения. Указанная норма не содержит в числе оснований для возвращения дела в суд первой инстанции доводы апелляционной жалобы или представления, касающиеся нарушений, допущенных при составлении протокола судебного заседания. Следовательно, подобные доводы могут быть предметом самостоятельной процессуальной оценки апелляционной инстанции, но не влекут автоматического возвращения дела.

Конституционный суд РФ указывал, что «суд апелляционной инстанции вправе самостоятельно оценить содержание протокола в совокупности с другими доказательствами и материалами дела и установить наличие либо отсутствие оснований для отмены или изменения приговора либо иного проверяемого решения суда первой инстанции. <...> Возвращение дела на предыдущую стадию допускается лишь при невозможности устранения допущенных нарушений в судебном заседании суда апелляционной инстанции (то есть когда имеются неустранимые препятствия для апелляционного производства) и при наличии на то прямо установленных законом оснований. Нарушения, предположительно допущенные судом первой инстанции при ведении и (или) составлении протокола судебного заседания, как и замечания на этот протокол относительно его точности, полноты и правильности, выступающие предметом спора и (или) оценки для суда апелляционной инстанции, по смыслу пункта 5 части второй статьи 74, статей 83, 85, 87, 88, 259, 260, 389⁶, 389⁸, 389⁹ УПК Российской Федерации не могут рассматриваться в качестве обстоятельств,

препятствующих рассмотрению данного уголовного дела этим судом, поскольку суд апелляционной инстанции не вправе уклониться от их самостоятельной проверки и оценки»¹⁴².

В данном постановлении Конституционный суд РФ сформулировал еще одно очень важное положение, указав, что суд апелляционной инстанции вправе направить запрос о проведении служебной проверки обстоятельств составления, ведения и подписания протокола судебного заседания, заключив отсутствие в таком случае принципа инстанционности, поскольку материалы уголовного дела остаются в суде апелляционной инстанции, что исключает возможность коррекции документов нижестоящим судом.

Таким образом, Конституционный суд РФ фактически сформулировал возможность существования такого доказательства, как материалы служебной проверки, подчиняющиеся правилам проверки и оценки доказательств, сформулированных в ст. 87. 88 УПК РФ, поскольку материалы такой проверки должны быть непосредственно исследованы судом апелляционной инстанции с участием сторон.

4.2. Дефект критерия «достаточность доказательств»

Для моделей уголовного процесса, построенных на началах как смешанного, так и состязательного производства, принципиальное значение приобретает доктрина свободной оценки доказательств. Согласно данному положению никакое доказательство не обладает предустановленной, формально определенной юридической силой, априори предопределяющей его значение в системе доказательственной информации.

---

¹⁴² По делу о проверке конституционности статьи 74 и части третьей статьи 389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. С. Жукова : постановление Конституционного Суда РФ от 06.05.2025 № 19-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

Вместо этого каждое доказательство подлежит оценке с позиции внутреннего убеждения суда, а равно и иных субъектов, наделенных законом соответствующими полномочиями по участию в доказывании. Такая оценка осуществляется в контексте анализа совокупности представленных и исследованных в процессе доказательств, с учетом требований относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Принцип свободной оценки доказательств основан на признании внутренней автономии уполномоченных участников уголовного судопроизводства — судьи, прокурора, следователя и дознавателя — в формировании собственного правового убеждения. Эта свобода обеспечивается отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве predetermined доказательственной силы за конкретными средствами доказывания. УПК РФ не устанавливает жестких формальных критериев для признания доказательства относимым, достоверным и достаточным, равно как и не предусматривает количественного минимума доказательств, необходимого для подтверждения определенного юридического факта.

Существующая неопределенность в законодательном регулировании вопросов оценки доказательств обусловила формирование в научной и практической среде устойчивой дискуссии относительно целесообразности разработки и внедрения стандартов доказывания в уголовном процессе.

Согласно положению ст. 17 УПК РФ при оценке доказательств суд, а также другие участники уголовного судопроизводства, обладающие соответствующими полномочиями, должны руководствоваться требованиями законодательства. Это включает в себя не только проверку относимости и допустимости доказательств, но и их достоверности и достаточности, что, в свою очередь, предполагает всесторонний и объективный анализ каждого из них в контексте дела.

Таким образом, ст. 17 УПК РФ устанавливает обязательность применения юридически обоснованных критериев при оценке доказательств. Законодательно закреплена обязанность

учитывать все собранные материалы в совокупности, что исключает возможность произвольной или субъективной оценки доказательств. Важно отметить, что такой подход обеспечит соблюдение принципа правовой определенности и справедливости в процессе принятия судебных решений.

Отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «достаточность доказательств» представляет собой существенный пробел и дефект нормативного регулирования. Нераскрытость данного термина затрудняет формирование единого подхода к оценке доказательственной базы и может приводить к неоднозначной практике применения норм уголовного процесса. В результате суды и другие участники уголовного судопроизводства вынуждены опираться на внутреннее убеждение и субъективные критерии, что потенциально снижает объективность и предсказуемость правоприменения.

Оценка достаточности доказательств представляет собой процесс, неразрывно связанный с определением предмета доказывания и степенью установления фактических обстоятельств, необходимых для принятия обоснованного процессуального решения. Иначе говоря, достаточность доказательственной базы определяется не только количеством собранных материалов, но и их содержательным соответствием тем юридически значимым фактам, которые подлежат доказыванию в рамках конкретного уголовного дела.

Критерий достаточности доказательств выполняет функцию правовой границы, отделяющей обоснованное принятие процессуального решения от предположений и правовой неопределенности. Он реализуется на всех стадиях уголовного судопроизводства: начиная с возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), где требуется наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при принятии решения о предъявлении обвинения (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), и вплоть до вынесения приговора (ст. 302 УПК РФ), когда виновность подсудимого должна быть подтверждена совокупностью ис-

следованных судом доказательств. Следовательно, достаточность доказательств представляет собой не абстрактное понятие, а конкретную процессуальную категорию, обладающую операциональным значением в контексте принятия правоприменительных решений.

Следует отметить, что законодательство, регулирующее уголовно-процессуальную деятельность, не содержит четких критериев или границ понятия достаточности доказательств. В УПК РФ отсутствует конкретизация объема и характера сведений, которые следует признать достаточными для обоснованного принятия процессуальных решений на различных стадиях судопроизводства. Такая нормативная неопределенность создает пространство для усмотрения уполномоченных субъектов доказывания — суда, прокурора, следователя и дознавателя — и формирует предпосылки для неоднородного толкования и практического применения данного критерия.

П. А. Лупинская справедливо замечала, что «достаточность доказательств определяется, во-первых, тем, дают ли они в своей совокупности возможность установить фактические обстоятельства дела, которые необходимы для принятия решения, составляют его фактическое основание; во-вторых, тем, позволяют ли они сделать вывод об этих фактических основаниях на том уровне знаний о них, который предусмотрен законом. Для одних решений достаточно, чтобы имеющиеся доказательства давали основание для предположения об определенных действиях (бездействии) лиц (например, при возбуждении уголовного преследования), для других требуется подтверждение совокупностью доказательств утверждения о совершении лицом определенных действий и обстоятельств, при которых эти действия совершены (например, привлечение лица в качестве обвиняемого). В то же время на момент привлечения лица в качестве обвиняемого следователю еще может не быть известен ряд обстоятельств, в том числе полученных на основе показаний обвиняемого. Это различие в уровне знания очевидно, например, при сравнении требований к знанию об-

стоятельств дела со стороны следователя, принимающего решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, и судьи, выносящего обвинительный приговор»¹⁴³.

Нормативное регулирование уголовно-процессуального доказывания представляет собой системно организованный механизм, призванный упорядочить деятельность, направленную на выявление фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение. Установленные законом процедуры и требования выполняют не только функцию формализации доказывания, но и выступают в качестве правовых гарантий достоверности и объективности выводов, формируемых в ходе правоприменения. Кроме того, законодатель закрепляет инструменты контроля за соблюдением законности и обоснованности принимаемых по делу решений, тем самым обеспечивая стабильность и предсказуемость уголовного судопроизводства.

Таким образом, мы видим, что данные нормы содержат большой «задел» для усмотрения, а значит, не всегда приводят к объективным выводам.

Доказывание в уголовном процессе не сводится лишь к механическому накоплению доказательственной информации. Участники, наделенные властно-распорядительными полномочиями обязаны осуществлять не только сбор, но и всестороннюю оценку доказательств, охватывающую как их фактическую, так и правовую интерпретацию. Такая оценка предполагает логическую корреляцию между разрозненными данными, выявление противоречий, формирование непротиворечивой доказательственной картины и построение аргументированной позиции, лежащей в основе итогового процессуального решения. Игнорирование этой обязанности может привести к подмене аналитической функции органов расследования и суда их формальной регистрационной деятельностью, при которой решающим критерием становится количественное пре-

---

¹⁴³ *Лушинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 149, 150.

имущество доказательств, а не их убедительность и доказательная сила. Между тем положения ч. 1 ст. 17 УПК РФ прямо указывают на необходимость руководствоваться не только законом, но и внутренним убеждением и совестью, что требует активной интеллектуальной работы с доказательственным материалом.

Таким образом, одним из ориентиров в процессе оценки доказательств выступает требование закона о необходимости руководствоваться также внутренними этическими установками субъекта доказывания — совестью, выступающей в качестве морального регулятора принятия справедливого и обоснованного решения по уголовному делу. Однако содержание такого понятия в УПК РФ не приведено.

Как очень точно подметила П. А. Лупинская, «этическая категория “совесть” призвана побуждать лиц, оценивающих доказательства и принимающих решение (особенно при праве на его выбор), учитывать правовые требования и нравственные предписания. Это должно предупреждать от формирования убеждения, которое не основано на анализе доказательств, а продиктовано своекорыстными интересами, предвзятостью»¹⁴⁴.

Интенсивное развитие цифровых технологий открывает значительный потенциал для модернизации уголовного судопроизводства, включая автоматизацию отдельных процедур и повышение эффективности правоприменительной деятельности. Следует подчеркнуть, что трансформационные процессы в области уголовно-процессуальных доказательств не должны затрагивать базовые положения уголовно-процессуального законодательства, прежде всего принципы и правила оценки доказательств. Оценочная деятельность сохраняет личностный, субъективный характер и возлагается исключительно на

---

¹⁴⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 171, 172.

законодательно определенные субъекты уголовного судопроизводства: судью, присяжного заседателя, прокурора, следователя и дознавателя. Применение автоматизированных или цифровых алгоритмов является недопустимым, поскольку противоречит самой природе справедливого правосудия.

Оценка достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве должна оставаться исключительной прерогативой субъектов уголовного процесса, осуществляемой в рамках их профессиональной и правовой компетенции. Данный процесс представляет собой результат внутренней аналитико-логической деятельности, не подлежащей алгоритмизации или автоматизации. Вмешательство искусственного интеллекта, алгоритмических решений или иных цифровых технологий в сферу формирования убеждения о доказанности фактов и виновности лица противоречит как конституционно-правовой природе правосудия, так и принципу свободной оценки доказательств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Событие преступления всегда существует в прошлом. Познать его приходится с определенной степенью вероятности. В. Д. Спасович характеризовал человеческое познание как использование его источников опыта и разума, то есть прямого наблюдения познаваемого и умозаключения. Деятельность судебно-следственных органов представляет собой познание, судебное исследование обстоятельств неизвестного события преступления по его следам. Несмотря на то что, как и всякое познание, исследование обстоятельств уголовного дела протекает с соблюдением логических правил, подчеркивает А. А. Старченко, судебное исследование имеет свои специфические особенности, отличающие его как от научного познания, так и от исследования в других областях практической деятельности¹⁴⁵.

Однако во время судебного следствия имеет место не только познание события, но и обоснование сформировавшегося у участника внутреннего убеждения. Верно замечено, что процесс доказывания — это диалектически единое, взаимно дополняющее, обогащающее и обуславливающее друг друга доказывание-познание и доказывание-обоснование¹⁴⁶, то есть информационная и аргументационная стороны доказывания, переплетаясь и взаимно проникая друг в друга, присутствуют во время судебного следствия¹⁴⁷.

Особенность познания обстоятельств совершенного преступления кроется в том, что участники познают произошед-

---

¹⁴⁵ *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 6.

¹⁴⁶ *Ковтун Н. Н.* Спорные вопросы в теории доказательств (Об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе) // Государство и право. 1997. № 6. С. 70—75.

¹⁴⁷ *Машовец А. О.* Соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 14—16. С. 15.

шее путем чувственного, эмпирического восприятия, посредством законов мышления воспринимают ненаблюдаемые ими самими событие и умозаключения делают по оставленным этим событием следам в окружающем мире. Более того, доказывание как особая форма познания приобретает характерные признаки на этапе судебного следствия, отличающиеся от уголовно-процессуального доказывания в целом. Если на досудебном производстве участники, производящие следственные действия, могут непосредственно воспринимать следы преступления, то на этапе судебного следствия это восприятие становится почти недоступным.

Активность суда на судебном следствии проявляется в явно высокой степени. Ученые подчеркивают, что идеология судебного заседания носит ярко выраженный публичный характер, что обязывает суд по своей инициативе принимать необходимые меры и создавать оптимальные условия для надлежащего рассмотрения и разрешения уголовного дела, по существу реализуя свои дискретные полномочия, позволяющие ему обеспечить интересы правосудия¹⁴⁸.

К признакам доказывания на этапе судебного следствия относятся цель судебного следствия; участники судебного следствия; сроки судебного следствия; последовательность действий для выявления обстоятельств, подтверждающих событие объективной действительности; исследование события, произошедшего в прошлом, посредством имеющейся и воспринимаемой непосредственно в судебном следствии информации; осуществление познания строго установленными законом средствами и способами; удостоверение и закрепление знания, полученного в процессе познания, установленными законом способами.

В содержании этих признаков и кроется познавательная деятельность участников судебного следствия. Вся деятель-

---

¹⁴⁸ Дудукина Т.Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 7.

ность по судебному доказыванию оказывается в рамках правил логики. Доказывание строится на правилах логики, которые известны участникам судебного следствия априори и поэтому, уголовно-процессуальный закон является только каркасом судебного доказывания, имеющий целью не допускать нарушений правил логики судебным произволом¹⁴⁹.

Таким образом, можно заключить, что процесс доказывания, определенный в уголовно-процессуальном законе как собирание, проверка и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию на судебном следствии, трансформируется в более развернутую форму и к нему добавляется исследование доказательств, выраженное в многообразии познавательной деятельности участников судебного следствия.

---

¹⁴⁹ Воробьев А. В., Еньков А. Л., Силков П. Ю., Тихонравов Ю. В. «Дело Юкоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия). М., 2008. С. 106.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А. С.* Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
2. *Александрова Л. А.* Сделка и соглашение при производстве по уголовным делам // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. №2 (4). С. 39—43.
3. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2.
4. *Алексеева Л. Б., Кудрявцева Е. П., Лупинская П. А. и др.* Судебное следствие. Рассмотрение дел судом присяжных : научно-практическое пособие / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 1998.
5. *Амиралиев У. М.* Исследование доказательств по уголовным делам в ходе производства в суде первой инстанции // Государственная служба и кадры. 2020. №5. С. 166—167.
6. *Антонов И. А.* Реализация следователем профилактической функции уголовно-процессуального права: проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2021. №2. С. 107—110.
7. *Антонович Е. К., Вилкова Т. Ю., Володина Л. М. и др.* Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленикова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
8. *Арзамасов Ю. Г.* Проблемы доктринального толкования права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2016. №12. С. 9—25.
9. *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964.
10. *Астафьев Ю. В., Изотова Н. В.* Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск, 2002.
11. *Багаутдинов Ф. Н., Журба С. М.* Актуальные проблемы определения территориальной подследственности мошенничеств, совершаемых с использованием современных средств связи // Уголовное право. 2019. №3. С. 96—100.
12. *Барабаш А. С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.

13. *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2005. С. 274—275.
14. *Белкин Р.С.* Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 10—11.
15. *Беляева С.О., Замятин Л.А.* Выявление обстоятельств, способствовавших домашнему насилию: понимание, реализация // *Legal Bulletin*. 2024. №3. С. 68—82.
16. *Биошкина Н.И., Пыпина Г.С.* Об определении понятий «неправосудное решение», «неправомерное решение», и «правосудие» // *Российское право: образование, право, наука*. 2024. №3. С. 79—87.
17. *Божьев В.П.* Основные вопросы советского уголовного процесса : учеб. пособие. М., 1978.
18. *Боруленков Ю.П.* Мотив как элемент предмета доказывания // *Мировой судья*. 2013. №2. С. 28—32.
19. *Боярская А.В.* Пути преобразования доказывания в рамках производства по уголовным делам частного обвинения // *Вестник Омского университета*. Сер.: Право. 2012. №4. С. 151—156.
20. *Брянская Е.В.* Отдельные вопросы стратегии и тактики аргументации в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. №4. С. 172—181.
21. *Брянская Е.В., Папутина О.С.* К вопросу о стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Сер.: История и право. 2023. Т. 12, №6. С. 99—112.
22. *Быков В.М., Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань, 2006.
23. *Веретехин Е.Г.* Проблемы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988.
24. *Верховный Суд Республики Мордовия* : апелляционное постановление №22-1038/2017 от 18 июня 2017 г. по делу №22-1038/2017 // *Судебные и нормативные акты РФ* : [офиц. сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UhpFJVQqRyZT/> (дата обращения: 07.08.2025).
25. *Верховный Суд Российской Федерации*. Судебная коллегия по уголовным делам. Определение от 15 декабря 2010 года №29-ДП10-7 // *Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции* : [офиц. сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902351718> (дата обращения: 11.08.2025).

26. Верховный Суд Чувашской Республики. Апелляционное постановление №22-1946/2021 от 19 августа 2021 г. по делу №1-36/2021 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UmO4Xe7FBRdj/> (дата обращения: 11.08.2025).

27. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания при осуществлении судопроизводства по уголовным делам частного обвинения: белые пятна отечественного законодательства // Российская юстиция. 2020. №3. С. 59—60.

28. Волынская О. В., Шаров Д. В. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М., 2009. С. 20—21.

29. Воробьев А. В., Еньков А. Л., Силков П. Ю., Тихонравов Ю. В. «Дело Юкоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия). М., 2008.

30. Воробьев Г. А. Планирование судебного следствия. М., 1978.

31. Гададов И. С. Исследование и оценка доказательств судом первой инстанции в ходе судебного разбирательства // Российский судья. 2025. №2. С. 41—45.

32. Гайфуллина К. В. Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции // Аллея науки. 2020. Т. 1, №12. С. 750—753.

33. Галкин О. В. Некоторые проблемы участия суда в доказывании по уголовным делам // Социальные нормы и практики. 2022. №1. С. 19—39.

34. Герасимова Л. А. Пределы судебного доказывания по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука. 2024. №1. С. 149—152.

35. Головинская И. В. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : учеб. пособие / Владимирский гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир, 2022.

36. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.

37. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю., Терехов М. Ю. Научный комментарий некоторых обстоятельств явки с повинной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. №2. С. 63—70.

38. Громов Н. А., Зайцева С. А., Гуцин А. Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. М., 2006.

39. Гузеева О. С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №10. С. 15—19.

40. *Гумерова Р.Р.* О роли следственных подразделений в профилактике преступлений // *Российский следователь.* 2023. №9. С. 50—52.
41. *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.
42. *Девятко А.Ю., Загорский Г.И., Загорский М.Г. и др.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. М., 2016.
43. *Демидов В., Горский Г.Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж, 1978.
44. *Дикарев И.С.* О роли суда в доказывании по уголовным делам, рассматриваемым в порядке главы 40 УПК РФ // *Вестник военного права.* 2020. №2. С. 34—38.
45. *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.
46. *Дудукина Т.Г.* Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
47. *Елагина Е.В., Николаева Т.Г., Коваленко В.И.* Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве // *Сибирское юридическое обозрение.* 2024. №3. С. 420—432.
48. *Елагина Е.В., Харатишвили А.Г.* Заключение специалиста — доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием // *Эксперт-криминалист.* 2021. №4. С. 10—12.
49. *Еремеева К.Е.* Понятие и сущность судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации // *Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов) : матер. IV Ежегодной региональной науч.-практ. конф.* Иркутск, 2024.
50. *Есаков Г.А.* Пределы судебного разбирательства (статья первая): изменение фактической стороны обвинения // *Уголовное право.* 2024. №9 (169).
51. *Зажуцкий В.И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015. С. 19—20.
52. *Зайцева Е.А.* Участие сведущих лиц в суде первой инстанции сквозь призму реализации принципа состязательности сторон // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2024. №1 (68). С. 53—60.
53. *Зайцева Е.А.* Явка с повинной: от позиций высших судебных инстанций к конкретному правоприменению // *Уголовное судопроизводство.* 2019. №2. С. 25—30.

54. *Звечаровский И. Э.* Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М., 2024.

55. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2006.

56. *Ильина В. А.* Пределы использования юридически значимого понятия «мотив» // Законность. 2023. №4. С. 64—67.

57. *Ишигеев В. С.* Отдельные вопросы современной методики расследования отдельных преступлений // Российский следователь. 2021. №11. С. 18—21.

58. *Капканов В.* Особенности оформления и судебной оценки явки с повинной // Коллегия адвокатов «Вашь юридический поверенный» : [офиц. сайт]. URL: <https://barcouncil.ru/stati-vladislava-kapkanova-v-smi/osobennosti-oformleniya-i-sudebnoj-ocenki-yavki-s-povinoj/> (дата обращения: 07.08.2025).

59. *Карнеева Л. М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1998.

60. *Карнеева Л. М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький, 1977.

61. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2024 №19-УД23-34-К5. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

62. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2023 №46-УД23-4-К6. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

63. *Ковтун Н. Н.* Спорные вопросы в теории доказательств (Об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе) // Государство и право. 1997. №6. С. 70—75.

64. *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002.

65. *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 7—8.

66. *Кондинский* районный суд Ханты-Мансийского автономного округа : постановление №1-106/2024 1-39/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу №1-106/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ICU0sJNyMpgX/> (дата обращения: 20.08.2025).

67. *Конин В. В.* Принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты // Современное право. 2018. №1. С. 110—114.

68. *Константинова В. А., Константинов В. В.* Непосредственность при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2025. Т. 22, №1. С. 131—134.

69. *Копьева А. Н.* Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск, 1990.

70. *Корнакова С. В., Гайков Д. Г.* Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №4 (30).

71. *Корнакова С. В., Гайков Д. Г.* Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №4 (30).

72. *Костенко Р. В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006.

73. *Кочои С. М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

74. *Краснодарский* краевой суд : апелляционное постановление №22-4051/2020 от 15 июля 2020 г. по делу №1-5/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5PawYAЕbteJ0/> (дата обращения: 08.08.2025).

75. *Курс* советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989.

76. *Курченко В. Н.* Назначение наказания: теория и судебная практика. Научно-практический курс : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

77. *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 33—35.

78. *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие для вузов. М., 2010.

79. *Леонова Т. В.* К вопросу о проверке показаний свидетеля (потерпевшего) судом первой инстанции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 142—144.

80. *Леонова Т. В.* Отдельные вопросы исследования доказательств судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 145—147.

81. *Лившиц В. Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949.
82. *Лупинская П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5—8.
83. *Лупинская П. А.* Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие. М., 1966. С. 21—22.
84. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
85. *Мартыничук Е. Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975.
86. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 154—159.
87. *Машиовец А. О.* Соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 14—16.
88. *Механизм преступного поведения* / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1981.
89. *Моисеева Т. В.* Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. М., 2006.
90. *Моргачева Л. А.* Правомерно ли использовать объяснения, заявление о явке с повинной и результаты оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств? // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 74—80.
91. *Мордовина А. А., Мордовин П. С.* Фигура посредника во взяточничестве в институте соучастия // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 67—71.
92. *Научно-практическое пособие по применению УПК РФ* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. председателя Верховного суда РФ В. М. Лебедева. М., 2004.
93. *Никифорова Е. Ю., Милицин С. Д.* Природа и процессуальная сущность объяснений, полученных в порядке ст. 144 УПК РФ // Мировой судья. 2024. № 6. С. 20—26.
94. *О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 38. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).
95. *О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

96. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля.

97. *О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

98. *О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 09.08.2025).

99. *О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51. П. 23. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

100. *О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11. П. 5. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

101. *О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 11.08.2025).

102. *О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032002/> (дата обращения: 11.08.2025).

103. *О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021). П. 1. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.08.2025).

104. *О судебной* практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12. П. 24. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

105. *О судебном* приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55. П. 18. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2025).

106. *О судебном* приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8528/> (дата обращения: 12.08.2025).

107. *Об основах* системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 27 июня 2016 г. № 26 (ч. I), ст. 3851.

108. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Филина Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1433-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.08.2025).

109. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворкяна Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О // Судебная система Российской Федерации. URL: https://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4232.htm (дата обращения: 10.08.2025).

110. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 335-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

111. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гришенкова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1558-О-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

112. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клименко Станислава Павловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 31 Уголовного кодекса

Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 №1988-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1988-o/> (дата обращения: 09.08.2025).

113. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коковина Антона Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 259 и 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 №1014-О-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 29.08.2025).

114. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой 2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. №2270-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71130898/> (дата обращения: 12.08.2025).

115. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Середкина Антона Вениаминовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. №73-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012019-n-73-o/> (дата обращения: 12.08.2025).

116. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торцева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 №2715-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

117. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 31 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 №2421-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24112016-n-2421-o/> (дата обращения: 09.08.2025).

118. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бушуевой Екатерины Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и пунктами 5 и 7 части первой статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 №3515-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

119. *Общение* судебной практики по применению особого порядка судебного разбирательства, установленного главой 40 УПК РФ за период 2021г. — первое полугодие 2023г. // Судебный участок №3 мирового судьи Центрального района г. Оренбурга : [официальный сайт]. URL: <https://centr3.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-po-primeneniyu-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratelstva-ustanovlenogo-glavoj-40-upk-rf-za-period-2021g-pervoe-polugodie-2023g> (дата обращения: 20.08.2025).

120. *Определение* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2024 №77-4351/2024 (УИД 31RS0002-01-2024-000053-60). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

121. *Осодоева Н. В.* Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении гражданских исков в суде первой инстанции по уголовным делам // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. №3 (33). С. 33—41.

122. *Палиева О. Н., Палиев В. Б., Фоменко И. В.* Использование категоричных и вероятностных выводов эксперта в качестве доказательств судом первой инстанции // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2024. №4 (44). С. 72—77.

123. *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955.

124. *Петров А. В., Кудрявцева А. В.* Проблемные вопросы использования отдельных доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2022. Т. 22, №3. С. 32—39.

125. *По делу* о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 №13-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

126. *По делу* о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

127. *По делу* о проверке конституционности статьи 74 и части третьей статьи 389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. С. Жукова : постановление Конституционного Суда РФ от 06.05.2025 № 19-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

128. *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2017 № 21-П. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.08.2025).

129. *Попов А. М., Медведева С. В.* Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 197—202.

130. *Попов А. П.* Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

131. *Попов В. Ф.* Судебное следствие: проблемы оптимизации : монография / под ред. Н. Н. Ковтуна. Н. Новгород, 2000.

132. *Приговор* Заречного районного суда Свердловской области по делу № 1-24/2021 г. 66RS90020-01-2020-001387-82 от 25 февраля 2021 года // Архив Заречного районного суда Свердловской области.

133. *Приговор* Североуральского городского суда от 28.01.2009 г. // Архив Североуральского городского суда Свердловской области за 2009 год. Уголовное дело № 1-28/09.

134. *Приморский* краевой суд. Апелляционное постановление № 22-3274/2023 от 9 июля 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EuphFWJVyrgR/> (дата обращения: 10.08.2025).

135. *Рарог А. И.* Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. Саратов, 1987.

136. *Рахунов Р. Д.* Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 22—25.

137. *Ретюнских И. А.* Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 18—21.

138. *Россинский С.Б.* Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2020. №9 (166). С. 63—76.
139. *Россинский С.Б.* Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // *Юридический вестник Самарского университета*. 2020. Т. 6, №3. С. 91—103.
140. *Руденко А.В.* Содержательная логика доказывания : монография. М., 2013.
141. *Свердловский* областной суд : апелляционное постановление №22-6812/2017 от 14 сентября 2017 г. по делу №22-6812/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VnJhzcCmdCZW/> (дата обращения: 21.08.2025).
142. *Светличный А.А.* К вопросу о дискуссионности понятия «специальные знания» // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2012. №1—2. С. 279—286.
143. *Сидорова Н.А., Васильев И.А.* Достаточность доказательств в судебных решениях по уголовным делам: отдельные проблемы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2024. Т. 15, №3. С. 736—748.
144. *Скляров С.В.* Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10—11.
145. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. / под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. Ч. 2 : Судопроизводство.
146. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. URL: <https://www.garant.ru/shop/books/2505052/> (дата обращения: 29.09.2025).
147. *Старченко А.А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958.
148. *Степаков Д.А.* К вопросу о возможности использования объяснений в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // *Российский судья*. 2023. №1. С. 31—34.
149. *Степанов П.П., Грибанова Д.В.* Место совершения хищения безналичных денег и территориальная подсудность уголовного дела // *Уголовное право*. 2023. №9 (157). С. 49—62.
150. *Стифен Д.* Очерк доказательственного права. СПб., 1910.
151. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.

152. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации : апелляционное определение от 10.04.2018 №3-АПУ18-4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. Юридическая информационная система Легалакт : [офиц. сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10042018-n-3-apu18-4/> (дата обращения: 08.08.2025).

153. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации : кассационное определение №9-О15-2СП от 28.01.2016 // Закон РФ. Правовая навигационная система Законы и кодексы Российской Федерации. URL: <https://www.zakonrf.info/sud/doc/640015cbc16585aa4f2641f950870451/> (дата обращения: 08.08.2025).

154. Тарасов А. А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // Новый УПК России в действии : материалы круглого стола, 13 ноября 2003 г., Москва / отв. ред. И. Ф. Демидов. М., 2004.

155. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. М., 1973.

156. Терентьев А. А. Доктринальное заключение в уголовном процессе // Эволюция российского права : матер. XVII Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2019.

157. Ткачева Н. В. Условия производства в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовных дел в общем порядке // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, №3. С. 208—222.

158. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 8—10.

159. Туров С. Ю. Правовая природа явки с повинной // Вестник Удмуртского университета. 2023. Т. 33, вып. 2. С. 344—350. doi: 10.35634/2412-9593-2023-33-2-344-350.

160. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2023. Гл. 10, § 1.

161. Уголовно-процессуальное право / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2006.

162. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

163. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп.,

вступающими в силу с 01.07.2002) (документ утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 29.09.2025).

164. *Уголовный процесс* : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 214—215.

165. *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 65.

166. *Философская энциклопедия* : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1967. Т. 4. С. 123.

167. *Хмыров А.А.* Проблемы теории доказывания : учеб. пособие. Краснодар, 1996.

168. *Хмыров А.А.* Теория доказывания: общая часть : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2006.

169. *Хоменко И.В., Деряшев Ю.В.* Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 107—120.

170. *Шаламов М.П.* Теория улик. М., 1960.

171. *Шатайлюк Е.Е.* Проблема предмета доказывания в контексте высокодоходных преступлений: сравнительно-правовой аспект и историческая ретроспектива // Мировой судья. 2024. № 5. С. 9—15.

172. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.

173. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

174. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

175. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. М., 2016.

176. *Якимович Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015.

177. *Ярославский* областной суд : апелляционное постановление № 22-2686/2023 от 12 декабря 2023 г. по делу № 1-134/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rdSLmGyMmhgC/> (дата обращения: 08.08.2025).

ОБ АВТОРАХ

Людмила Анатольевна Александрова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

Татьяна Николаевна Долгих — кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Инга Юрьевна Панькина — кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Наталья Викторовна Ткачева — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной и правоохранительной деятельности, Южноуральский государственный университет (НИУ).

Панькина Инга Юрьевна
Долгих Татьяна Николаевна
Ткачева Наталья Викторовна
Александрова Людмила Александровна

**ДОКАЗЫВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

Монография

Научное электронное издание

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Дата выхода в свет 04.12.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 8,3